

Аїя Сафина

НИНА

ПРОКЛЯТЫЙ ДАР
КНИГА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айя Сафина

Нина. Книга 1. Проклятый дар

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сафина А.

Нина. Книга 1. Проклятый дар / А. Сафина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2185-0

Она рождена с даром, который считает проклятием. Она слышит мысли, видит далеко во времени и общается с мертвецами, которые преследуют ее с рождения. Ее беспросветным дням в психиатрической лечебнице приходит конец, когда судьба сводит ее с самым опасным наркоторговцем страны, который предлагает ей сделку. Теперь Нине предстоит сделать выбор между участием в кровавых бандитских разборках и вечным безумием в стенах психбольницы. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2185-0

© Сафина А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дар	9
Глава 2. Новый дом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог

– Твоя жизнь висит на кончике моего пальца. Бум! И тебя уже нет.

Холодное дуло пистолета надавило на висок.

– Поразительно, как один маленький кусок металла способен родить первобытный страх перед смертью, уничтожить бытие и сотворить хаос.

Его хрипловатый голос вкупе с привычкой растягивать слова заставляли душу выть от нестерпимой пытки.

– Скажи, ты видишь ее там?

Она подняла на него опухшие от слез глаза.

– Смерть. Ты видишь ее внутри?

И с этими словами он заглянул в дуло сам, лишив ее возможности ответить. Он сосредоточенно вглядывался в удлиненный ствол Хеклер-Коха, словно там и вправду кто-то прятался.

– Я вижу. Она там. . . . Застыла в ожидании. Безмолвный хищник. Молниеносная и всегда наготове. Я чувствую ее запах. Слышу ее скрежет. Между нами лишь мгновение. Оно дразнит ее, возбуждает, злит.

Он прижался ноздрями к стволу и силой втянул аромат.

– Предвкушение конца – захватывающее чувство.

Внезапно он смолк, позволив тишине окутать их в холодном мраке пустой комнаты с голыми кирпичными стенами и холодным бетонным полом. Ночной ветер завывал в пустых оконных проемах, а ритм пульса отбивал секунды в бесконечной черноте. Казалось, что с каждым ударом сердца его палец все сильнее давил на курок. На мгновение она поверила, что он и впрямь застрелится.

Но рука с пистолетом опустилась. В его глазах блеснули слезы.

Он присел возле нее. Теплое дыхание обдавало запахом табака. Кубинские Пор-Ларранага. Так пах только он. Характерный запах, позволявший выслеживать его сквозь расстояние и время. И сколь бы мерзким и пугающим ни было это дыхание, мрачные глубины ее души всегда тянулись к притягательному аромату садизма, что он источал.

– Но ты, – продолжал он, – ты не боишься смерти. Я каждый день задавался вопросом: почему? Ты была моей надоедливой загадкой без ответа. Я так много и навязчиво думал о тебе, что терял счет времени.

Она чувствовала, как в нем растет раздражение.

– И ты хороша. Ты бесстыдно пользовалась моими мыслями. Тебе практически удалось вбить сюда, – с этими словами он яростно ударил себя стволом по лбу, – мысли о моей слабости, немощности!

Его слеза скатилась на ее ободранное плечо, которое тут же засадило.

– Это не мои мысли. Они – твои. А знаешь, как я понял? – он приблизился губами к самому ее лицу. – Предательство смердит, Нина.

Он грубо впился в ее губы, словно сопротивляясь самому себе. Вымученный поцелуй длился недолго. Он резко оттолкнул ее лицо рукой, так, что она не удержалась и завалилась набок. Пластиковые наручники больно врезались в запястья.

– Мне кажется, я знаю ответ. Я раскрыл твою загадку.

Он вытащил магазин, взглянул на, блеснувший на свету патрон, и задвинул магазин обратно.

– Ты не боишься смерти, потому что ты и есть смерть.

Ком встал в горле. Она задержала дыхание в попытке снять онемение. Лишь бы скрыть смятение! Лишь бы не дать ему поверить в то, что он на правильном пути! Но предательская слеза скатилась по щеке, и утереть ее или спрятать было невозможно.

Он победоносно улыбнулся, осознав, свою правоту.

– Высший разум, или Бог, или кто бы там ни сидел наверху схватил свою давнюю подругу за глотку, поместил в тленную плоть и повелел: «Весели!» Чем же ты его так разозлила? Может, возгордилась? Возжелала сама стать богом? Ведь это – чистой воды кара самым изощренным способом, придумывать которые Бог – мастер!

Он погрозил пальцем небесам, словно раскусил Господа, которого так ненавидел. А потом вновь приблизился к ней в желании донести до ее ушей каждое произнесенное слово.

– Твоя омерзительность просачивается сквозь поры и заражает все вокруг мором!

Она подняла на него свои ядовитые глаза. Он ухмыльнулся, узрев в них отчаяние.

– Они все мрут! Родители, друзья, любовники... Всё, что ты оставляешь после себя, это зловонные поля гниющих трупов!

Она выдала плачевный стон.

Нет, он вовсе не сломил ее. Это невозможно. Ее душа измучена настолько, что сломить ее может только могила. Однажды и безвозвратно.

Но плакала она из-за того, что он снова оказался прав. Мор – имя, которое подходит ей, как нельзя лучше.

– Но как говорят? Достоинства – продолжения недостатков? В божьем наказании – твое спасение. *Ты земная пыль и в пыль превратишься!*

Металлическое дуло снова пронзило висок стрелой холода, как и физическое ощущение непоколебимости его духа, даже сейчас, когда он так близок к срыву. Он уже почти касался ответа, что искал всю свою сознательную жизнь. И она была готова сыграть заключительную партию своей роли в пьесе его жизни.

Причина, которая свела их вместе – ее долг помочь ему обрести катарсис.

– Не хочешь говорить со мной?

Она лишь тихо всхлипнула.

Он схватил ее мокрое от слез лицо за подбородок и дернул кверху. Она зажмурилась.

– Ну, давай же! Вот он – я! – зарычал он. – Взгляни на меня! Воспользуйся своим даром!

Смачный плевок ударил ему в лицо.

– Довольно бесконечных слов, Томас! Делай, что задумал! – прошипела она.

Томас растянулся в довольной улыбке, спокойно достал из кармана платок и вытерся.

– Да ведь ты понятия не имеешь, что я задумал.

Он присел перед ней.

– По какой-то причине именно мои мысли с трудом поддаются чтению, не так ли?

– Я вижу, что ты хочешь. И это невозможно. Ты не получишь меня, – хрипела она.

– Нина, но ведь ты – мое сокровище, – его твердый голос дрогнул. – Ты и я вместе, помнишь?

Разумеется, она помнила. По возвращении она только о нем и думала. Но насколько сладостными были воспоминания для одной стороны ее сознания, настолько же чудовищными они были для другой. Как уродливый червь они насыщались сочной мякотью ее гуманности, заражая остатки человечности гнилью.

Твердая ладонь нежно, насколько он умел, провела по щеке.

– Ты и я вместе. И целый мир у наших ног! Я пролью кровь во имя тебя. Ты будешь лить ее сама! И только наша воля, лишь наше слово будет законом!

Он – единственный, кто понимал ее сущность. Он – змий, сладко звучат его подкупающие речи. Вот только финал его соблазнов уже известен – она будет изгнана из рая. Здесь бы ей рассмеяться по-дьявольски громко над собственной наивностью. Со всем дерьмом в ее жизни

¹ Библия, Бытие 3:19

она продолжала верить в существование утопичного рая, созданного для нее. Место, где ждут родители, место, где она оставила Тори.

– Нина, – его зов вырвал из воображаемого мира, куда она так часто уходила.

– Нина, почему ты упорствуешь? – искренне удивлялся он.

– Потому что я вижу своих Монстров, а ты своих – нет.

Он едва ли задумался о буквальности ее слов, и она понимала, почему. Ему всегда нужны физические доказательства. Вот только как показать человеку его безумие? Благо, Нина обладала талантом рожать образы из воздуха.

– Оглянись, Томас. Вон он, – она указала головой куда-то позади него.

Дрожь родилась на затылке и пробежала по спине к самым пяткам. Томас – один из тех редких типов людей, отличающихся поразительным бесстрашием. И сейчас он бы просто ухмыльнулся жалкой попытке запугать его. Но его сильная сторона личности, благодаря которой он стал во главе преступного синдиката – фантастическое чутье. И сейчас мурашки на затылке говорили от имени чутья: «Осторожно! Сзади кто-то смотрит на тебя!»

Но это невозможно! Они здесь – одни!

И все же, обернись.

И Томас обернулся. Там, в углу, даже сквозь плотную стену мрака четко проступали костлявые контуры бледного до синевы уродца. Его голова лысая и непропорционально громоздкая, у него нет лица, а только широкая скальпированная пасть, обнажающая десятки длинных, подобно кинжалам, зубов, с которых капала кровавая слюна. Он пресмыкался на изломанных конечностях, обтянутых кровавыми лохмотьями, некогда бывшими кожей. И все то время, что он неподвижно и молча сидел в углу, взгляд его был устремлен на Томаса. Нет, у него не было глаз, но Томас готов был поклясться, что чудище смотрит на него.

Томас медленно отвернулся. Его лицо побледнело от подступающей тошноты.

– Этот – мой, и он далеко не один, – тихо шептала Нина, словно пыталась утаить слова от монстра.

– Он – ненастоящий, – настороженно произнес Томас.

– А разве ты не чувствуешь его вонь?

И Томас понял, что приступ тошноты возник именно из-за этого трупного запаха, что, по всей видимости, источал уродец. Но как это возможно? Ведь он нереален!

– Они – изувечены по моему образу и подобию. И внутри тебя, Томас, есть такие же, и изуродованы они по твоему подобию.

Томас снова обернулся, но на этот раз в углу никого не было, и только запах продолжал создавать иллюзию его присутствия. Томас знал, что Нина способна создавать картины из воздуха и дурачить людей. Но с этим уродцем он почувствовал какую-то едва уловимую связь, которую не в силах был объяснить. Он был уверен, что этот монстр ему не чужой.

– Они – мертвы, Томас, но продолжают жить. Это неправильно. Их нужно уничтожить.

Томас резко встал и возбужденно прошагал туда, где только что был уродец, пытаясь отыскать его следы.

– Чего ты боишься? – спросила она.

– Я? – ухмыльнулся Томас. – Я ничего не боюсь! Это ты их боишься, Нина!

И он был прав. Да, она всю жизнь боялась Монстров, несмотря на то, что они присутствовали лишь в ее голове. Это не мешало им калечить ее тело и обезобразивать разум. И никто из настоящих живых людей не мог ей помочь! Они всегда были то слепы, то глупы. Она ревела навзрыд – ей давали лекарства, буйствовала в припадках – заставляли поверить, что тот параллельный мир нереален, а когда она начала убивать – ее просто спрятали, потому что были не в силах понять ее болезнь. Отложили, так сказать, в ящик до появления очередного суперлекарства, который превратит ее в сомнамбулу без эмоций и памяти, витающую на границе

сна и яви. Они не замечали немую мольбу, тенью лежащую на бледном лице. Они продолжали равнодушно называть ее больной.

Томас прошагал к пустому дверному проему, ведущему в ночную пропасть.

– Ты покинешь это место либо со мной, либо в черном мешке. Время твое на исходе, – заключил Томас, уставившись на бетонное дно парковки далеко внизу с высоты десятого этажа.

Его холодный взгляд сохранял невозмутимое спокойствие, но она-то чувствовала, как душа его вибрировала в растерянных порывах. Томас был озадачен, и Нина видела в этом хороший знак.

– Томас, – позвала она.

Он посмотрел на нее так, как ей всегда нравилось – дерзко и хладнокровно.

– Пойдем со мной. Я покажу тебе всё, – шепотом пригласила она в путешествие длиною в ее жизнь.

«Любой девушке перед смертью хочется услышать свою историю...»²

² Чак Паланик "Невидимки"

Глава 1. Дар

Ее звали Нина. И она была мертвецом, обличенным в живую плоть. По крайней мере, так она всегда ощущала себя. Ей приходилось притворяться одной из живых, чтобы затесаться в толпу, а это чертовски сложное занятие, когда ты – шизофреник. И Нина прилагала все свои усилия, чтобы скрывать истинную сущность. В этом было ее спасение.

Люди обожают заниматься классифицированием. Тогда жизнь упорядочена, жизнь разложена по полочкам. И если ты не попадаешь под определение какого-либо класса или вида, ты становишься изгоем. Для Нины было жизненно необходимым относиться к классу нормальных, обычных, среднестатистических и тем незаметных людей. Потому что как только в ней замечали ее настоящие изгойские черты, ее жизнь подвергалась опасности.

Необычная шизофрения. Необычный изгой.

Мертвец в живом теле, мечтающий ощутить благословенное дыхание жизни. И когда она была готова воскликнуть: «Да! Я знаю, каково это – быть живым!», тогда все тут же шло прахом к чертям в ад. Необычному изгую не следовало радоваться не своему уделу.

Если бы Нина верила в бога, то акт своего создания приписала бы к канцелярской ошибке на небесах – мертвую душонку поместили не туда.

А может, это был эксперимент? В таком случае он с треском провалился, потому что подопытная едва справлялась с муками противоестественного союза жизни и смерти.

Мертвецу никогда не сыскать место среди живых. Как антиподам, им предоставлена вечность в разных мирах.

Разлагающаяся душа заставляет тело медленно гнить, как если бы зараза проникла в созревающий кокон и сожрала гусеницу, не давая ей возможности превратиться в прелестную бабочку.

Хорошо, что человеку со всей его духовной сложностью свойственно идти наперекор установленному порядку. Это бунтарство стало спасительным оплотом для умирающей бабочки-Нины. Всю свою жизнь она рьяно противостояла гнили в попытке излечиться от нее и вписаться, наконец, в понятие живого человека. Конечно, получалось не всегда, и Нина зачастую задавалась вопросом: а был ли толк?

Однажды друг сказал в сердцах, что ее душа рождена в адских недрах, и как бы она ни боролась, в конце концов, дьявольская сущность сожрет последние крошки ее человечности. Эти слова, точно пророчество, навсегда отпечатались в ее памяти.

А дьявольская сущность пожирала ее с самого зачатия.

Франк бросил недомытую кружку в раковину и одним прыжком оказался возле жены, бившейся в судорогах на полу. Каштановые волосы разметались по сторонам, тело скрючилось в неестественной позе, изо рта била пена. Франк уже отработанными движениями повернул Лили набок, подложил под голову полотенце и слегка сдерживал амплитуду конвульсий. Неладное он почувствовал спустя минуту – сквозь бежевую юбку Лили просачивалось кровавое пятно.

Очнулась Лили в больнице. Еще не открыв глаза, она почувствовала под рукой мягкость рыжих кудряшек Франка. Он прикорнул возле жены, положив ее тонкую белоснежную ладонь себе на голову. Лили нежно погладила мужа по голове, отчего тот сразу проснулся.

С минуту они молча смотрели друг на друга, улыбаясь.

– Все было так плохо? – наконец, прохрипела Лили.

Франк достал из кармана клетчатой рубашки очки в круглой оправе. Лили нравилось, когда он их носил. Он становился похож на профессора. Вдобавок она подарила ему коричневый портфель в прошлом году, вот только внутри он носил не учебники и лекции, а чертежи.

Он работал проектировщиком канализации и водоснабжения в частной фирме. Лили безмерно любила этого мужчину вот уже тринадцать лет.

– Они провели несколько анализов, пока ты спала, – сказал Франк, надвинув очки на самую переносицу.

– Что за анализы? – искренне удивилась Лили.

Эпилептиком она была с ранних лет, приступы были редкими, и в больницу она попадала только в крайних случаях, не говоря уже об анализах – их практически никогда не проводили. А последние пару лет она, вообще, не вспоминала о болезни. Загадочная улыбка Франка добавляла интриги.

– Ты беременна, – прошептал он.

С этой секунды мир Лили изменился навсегда. Сказать, что она была счастлива, значит сильно преуменьшить реальный факт. Она буквально зарыдала от ликования. Наконец, бог одарил их чудом!

Беременность во время эпилепсии – крайне замысловатый процесс. Слишком много подводных камней, которые, к счастью, возможно предугадать. Лили и Франк – последние люди, которых можно было бы обвинить в беспечности. Они тщательно готовились к процессу создания новой жизни: многочисленные консультации у неврологов, психиатров, эпилептологов, педиатров, ревностное следование рекомендациям врачей, рьяный контроль приема медикаментов. И когда наступила устойчивая ремиссия, они начали пытаться.

И вот спустя год попыток настал счастливый момент. Правда последний приступ вновь напомнил о всей серьезности уже известных им возможных последствий. Но их было не остановить. Стартовый выстрел обозначил начало, и назад пути не было.

К сожалению, мажущие кровянистые выделения на шестой неделе беременности означали, что уже что-то пошло не так. УЗИ провели незамедлительно в тот же день. Лили доверяла своему врачу, но отказалась поверить в выдвинутый им диагноз – замершая беременность.

Лили ударилась в слезы, врач не смог устоять перед ними.

– Хорошо, подождем недельку и посмотрим УЗИ в динамике, – заключил он.

Но неделю ждать не пришлось. Уже на следующее утро внизу живота возникла тянущая боль, словно плоду не нравилось, что о нем так быстро забыли.

Очередное УЗИ гулко озвучило сердцебиение, но кровянистые выделения подтверждали отслойку плода. Врач аккуратно водил датчиком по упругому животу, стараясь не сотрясать вселенную зародыша.

– Ты побудешь на сохранении до стабилизации малыша, – тихо говорил врач.

– Как скажете! Я готова на все ради нее! – лепетала женщина.

Франк, все это время находившийся рядом с женой, лишь грустно улыбнулся.

– Она? – скептически посмеялся врач.

Но Лили был чужд скепсис.

– Я знаю, что это она, – шептала Лили, – я вижу ее во снах.

Врачи работают с фактами. Надежда в их работе – вещь нужная, но временами для нее просто нет оснований. Загадывать пол ребенка матери-эпилептика на шестой неделе с кровотечением было чертовски самоуверенно.

Две недели в больнице под неусыпным контролем врачей: витамины, капельницы, гормоны, осмотры. Привычный фенобарбитал был заменен карбамазепином во избежание развития порока сердца у плода. И хотя во время беременности не рекомендуется менять антиэпилептические препараты, для Лили было сделано исключение – ребенок пребывал на грани жизни и смерти.

Когда состояние Лили нормализовалось, врач, вопреки ожиданиям, оставил ее в больнице. И решение было верным, потому что через несколько дней у нее случился очередной

приступ. Благо, их было трое в палате, когда Лили охватили судороги. Франк успел придержать ее голову, врач подхватил, и вместе они мягко уложили ее на пол.

– Придерживай ноги! Аккуратнее! – приказывал врач медсестре, пытаясь справиться с конвульсиями в плечах.

Франк обложил голову жены подушками, и они все пытались умерить силу судорог, губительных для плода.

– Второй приступ за месяц. Так часто их еще не было, – тревожился Франк.

– Это из-за смены препарата, – объяснял врач, – поверьте, для Лили угроз нет. Только для малыша.

Разумеется, за припадком последовало кровотечение, на этот раз оно было обильным, словно ребенок сопротивлялся попыткам спасти его.

– Пожалуйста, малышка моя, живи, – шептала пришедшая в себя Лили.

Пока доктор проводил осмотр, она чувствовала, как из нее сочилась тонкая струйка крови. Вид доктора был удручающим, но он воздержался от поспешных выводов и отправил Лили на УЗИ, бог знает, какое по счету. Ребенок, как ни странно, был жив, а проблема заключалась в очередной отслойке.

Вся беременность Лили проходила под неусыпным контролем врачей. Эпилептические припадки продолжались, но с меньшей частотой. К середине беременности сопровождавшее припадки кровотечение прекратилось. Остались лишь неконтролируемые судороги из-за неподходящего для Лили лекарства. Их уже невозможно было остановить. Очередная смена препарата погубила бы плод.

Франк каждую ночь проводил в палате рядом с женой. Когда Лили засыпала на груди мужа, его часто посещала мысль: а что если этот ребенок не должен появиться на свет по божьему умыслу, а они только препятствуют? Но потом, вдохнув аромат луговых цветов с волос Лили, он ругал себя за подобные мысли. Ведь ребенок – самое желанное для Лили из всего, что он мог бы ей предложить! Лили не успокоится, пока не родит ребенка. И раз они уже зашли так далеко, останавливаться нельзя! Ради Лили.

Они засыпали, держась за руки чуть ниже живота, дабы не тревожить хрупкое создание, которое каждый шорох, каждое движение за стеной принимает за знаки богов. Пока жена спала, Франк представлял мир дочурки. Как ей должно быть страшно сейчас! Если бы человек увидел, как за облаками проносится гигантская тень да при этом гулко смеется, то впал бы в ужас и предрек скорый апокалипсис. А малышка переживала подобное каждый день. Она знает, что там за плотной стеной облаков кто-то есть. Большой, громкий и, наверняка, могучий! Когда бог плачет, здесь внизу становится тоскливо, когда бог спит, приходит безмятежность. А еще бог напевает таинственные мелодии, от которых тянет спать. И в руках этого бога ее жизнь.

– Все хорошо, малышка. Мы защитим тебя, – шептал Франк, и ему казалось, что через кожу на животе Лили проступала ручка.

К середине срока был обнаружен дополнительный тягостный фактор – неправильное положение плода, которое не изменилось вплоть до родов, начавшихся раньше запланированной даты.

Тридцать вторая неделя, девочка запутана в пуповине попкой вперед, гинипрал не может купировать схватки, и врачи прибегают к срочному кесареву.

Малышка Нина появилась на свет.

Всеобщий восторг почти сразу сменился озабоченностью докторов – малышка не дышала. Лили заподозрила неладное, когда поняла, что младенец не кричит. Присутствующий рядом Франк успокаивал жену, не смея сказать правду. Он неотрывно наблюдал за попытками врача заставить синюшную крошку вдохнуть, беззвучно и слезно молил о чуде. Несколько минут врач пытался реанимировать маленькое тельце, пока другие скрупулезно зашивали

Лили, все еще пребывающей в неведении. Но опять-таки чуду суждено было сбыться. Ребенок задышал.

Разумеется, после столь тяжелой беременности никто не ожидал отменного здоровья младенца. Лили едва успела окрестить именем девочку, которую даже не приложили к материнской груди, как Нину уже забрали в реанимационное отделение и положили в кувез. Когда Лили пришла в себя, Франк, едва сдерживая слезы, сообщил, что показатели Нины плохи, и вероятность летального исхода высока. Лили отказывалась верить.

– Она будет жить! – плакала Лили, – она семь месяцев пыталась жить и сейчас будет!

Франк поглаживал голову Лили, пытаясь унять ее рыдания.

– У нее есть ангел, Франк! Кто-то все это время помогал ей, и сейчас поможет!

Знай они ее будущее, речь бы шла не об ангеле, а о демоне, старательно защищающем свои инвестиции.

Усилиями врачей ли, молитвами, худшие прогнозы докторов оказались ошибочными. Каким-то образом Нина продолжала дышать. Казалось, что она держится за жизнь нехотя, будто кто-то или что-то заставляло ее делать один вдох за другим против ее воли.

Крохотное тельце розовело, сердцебиение и обменные процессы восстанавливались, и через три недели Нина превратилась в относительно здорового младенца.

Когда Лили, наконец, взяла малышку на руки в первый раз, она не могла поверить, что держит собственную дочь. Все произошедшее казалось дурным сном, будто все напасти произошли не с ней, а если и с ней, то в какой-то из прошлых жизней. И хотя она наблюдала за ней через стекло кувеза на протяжении этих трех недель, только взяв Нину на руки, Лили ощутила всю полноту материнства. Вот она! Родная плоть и кровь! Смысл жизни! Смысл перенесенных страданий, которые теперь казались ничтожными пустяками.

Лили держала Нину и слегка раскачивалась из стороны в сторону. Франк обнимал жену за плечи, и они оба не могли оторвать глаз от белоснежного человечка с бархатистой кожей.

Тератогенный эффект карбамазепина наделил Нину обширным правосторонним расщеплением мягкого и твердого неба и губы. Детская волчья пасть выглядела достаточно зловещей, но не для родителей. Лили даже находила это забавным, когда малышка сосала грудь – сосок точно проходил в расщелину под ноздрей. Врачи уверили, что оперативное вмешательство по корректровке подобных аномалий развито достаточно, и к трехлетнему возрасту от врожденного порока останется лишь маленький шрам над губой.

После выписки из роддома начался новый мир, полный материнских хлопот, недосыпа, памперсов и детского плача, которые Лили принимала с благоговением фанатика. Франк был вынужден увеличить количество рабочих часов, и теперь мог отсутствовать дома до глубокого вечера, что нисколько не смущало Лили. С Ниной она забывала о времени, о людях, о собственных нуждах. Для Лили существовала только Нина и забота о ней. А забот было гораздо больше, чем с обычными младенцами. Так как Нина перенесла асфиксию и являлась обладателем волчьей пасти, первые годы жизни она должна была наблюдаться сразу у нескольких специалистов, отчего Лили практически каждый день навещалась в больницу. Ребенку требовалось большое количество процедур для поддержания адекватного состояния здоровья. Медицинский массаж, гимнастика, плавание, все рекомендации врачей Лили блюла добросовестно и скрупулезно. Она недосыпала, но, тем не менее, не позволяла Франку вставать посреди ночи на требующий детский плач, считая, что такое хрупкое создание понять без слов способна только мать.

Когда наступило время оперативного вмешательства по исправлению волчьей пасти, у Лили случилась истерика из-за того, что врачи запретили ей присутствовать в операционной. Лили все время казалось, что все всё делают не так. Хирург неправильно взял Нину на руки, медсестра не так придерживает ей шею, анестезиолог слишком грубо положил ее на кушетку. Кончилось тем, что Лили силой вывели из процедурной.

– Она слишком слаба! Она слишком слаба! – повторяла Лили, наворачивая круги в зоне ожидания.

– Лили, врачи знают свое дело, – успокаивал Франк.

– Ни черта они не знают! Они только и делали, что хоронили ее! – огрызнулась Лили.

– Это несложная операция! Или ты хочешь, чтобы Нина на всю жизнь осталась с дырой посреди лица? – не выдержал Франк.

Но Лили была безутешна, пока не закончилась операция и ее не пустили в палату к дремлющей дочурке, где бедная женщина дала клятвенное обещание больше никогда не оставлять малышку ни на секунду.

К полутора годам Нине полностью исправили расщепленное небо, и она превратилась в умильного ребенка с огромными светло-серыми глазами и волнистыми коричневыми волосами.

И вроде все тяготы должны бы уже остаться позади, но ведь Нина была необычным изгоем, а асфиксия и волчья пасть – недостаточны для того, чтобы им стать.

В поведении Нины и раньше наблюдались отклонения, но врачи списывали их на интенсивную терапию и реабилитацию малышки после операций. К тому же они были больше озабочены физиологическими параметрами ее здоровья, чем умственными, ведь она была еще мала. И как только в больших необыкновенно светлых серых глазах появились первые проблески сознательного, с ними же стали проявляться странности поведения.

Ребенок начал беспрестанно плакать. Но это был необычный детский плач с истериками, криками и мычаниями. Плач Нины был всегда беззвучным. Все, что выдавало его – слезы на пухлых щеках и шмыгающий детский носик. Спрашивать у Нины причины ее расстройств было бесполезным – она отказывалась говорить, и до некоторой поры врачи даже подозревали немоту, которая была быстро отвергнута после ряда тестов. Врачи так и не смогли дать ответа обеспокоенным родителям. По всем физическим показателям двухлетний ребенок был здоров, доктора лишь разводили руками.

С течением лет картина стала четче. Нина росла очень тихим и замкнутым ребенком. Когда однажды Лили вывела дочь на прогулку в парк, заполненный детьми всех возрастов, бедная девочка забилась в угол клумбы, даже не дойдя до детской площадки. Она словно впала в ступор и не могла сделать ни шагу, как бы ни просила ее мать. Нину била дрожь, огромные серые глаза наполнены страхом, а дыхание становилось все чаще и судорожнее, пока от избытка кислорода она не потеряла сознание.

Позже Лили заметила, что малышка мало спала. Она стала следить за дочерью по ночам и поняла, что дочь мучают кошмары. Нина просыпалась в поту по несколько раз за ночь, в глазах замирал ужас, и снова слезы скатывались по щекам. Все вопросы Лили Нина оставляла без ответа и лишь тихо всхлипывала, уткнувшись носом в шею матери. Постоянные недосыпы и плач, разумеется, сказывались на физическом состоянии девочки. Худоба, бледность, синева под глазами. Все говорило о том, что что-то истощает детский организм.

Нина не проявляла особого интереса к играм. Куклы, пирамидки, паззлы – все было едва тронутым. Ребенок большую часть времени желал неподвижно сидеть на полу, уставившись в одну точку. Даже в детской комнате больницы, где игрушками пестрел каждый сантиметр пола, Нина не демонстрировала ни малейшей заинтересованности чем—либо, кроме разве что карандашей и альбомного листа. Поначалу педиатр заподозрил аутизм, на что указывало явное нарушение социальных взаимодействий и ограниченность интересов. Но при более тщательном наблюдении стало ясно, что это вовсе не аутизм.

Нина часто с опаской оглядывалась по сторонам, будто кто-то или что-то внезапно пугал ее. Лили по несколько раз на дню заставляла малышку, замершую в оцепенении, уставившуюся испуганными глазами в одну точку. Она могла спокойно обедать, а в следующую секунду бросить ложку и застыть, увидев нечто на столе. Или с интересом собирать кубики, а потом вне-

запно бросить их, уставившись на невидимку рядом с собой. Проблема в том, что это нечто видела только Нина.

Выводы врачей не заставили себя долго ждать. Диагноз – детское неспецифичное психическое расстройство с неустановленными причинами. Природа галлюцинаций была неясна, также как и их наличие. Так как Нина была еще слишком мала для психотерапии (мальшке едва исполнилось три года), было решено чуть повременить с тревогами. Зачастую такие проблемы в раннем возрасте проходят сами собой, поддаваясь атаке детской любознательности в познании окружающего мира.

Все родители судорожно ждут первые слова ребенка, особенно когда он не торопится заговорить. Банальные слова «мама, папа», слетающие с крошечных губ маленьких человечков, не до конца понимающих их значение, приводят в неописуемый восторг каждого взрослого. Неизвестно, ожидали ли Лили и Франк тех же слов от Нины, ожидали ли очередного неприятного сюрприза. Первое слово Нина произнесла в четыре года.

– Злой, – прошептала малышка.

Двойкие чувства обуяли Лили, присутствующей при столь долгожданном событии. Она впервые услышала, как Нина произнесла слово вполне осмысленно, пусть и не совсем то, которое от нее ждали. Но откуда она узнала это слово, понимала ли, что оно значит? Лили не успела задуматься над этим, поскольку взгляд ее упал на каракули, что чертил ребенок, произнеся это слово. Точно понять, что она рисовала, было сложно, но Лили готова была поклясться, что видит кровавое лицо. Франк же обвинил жену в богатом воображении, хотя обвинял он неуверенно.

Для врачей же мозаика начала складываться.

– Шизофрения, – констатировал доктор.

И снова Лили отказывалась верить. Даже прочитав статьи о симптомах детской шизофрении, написанных точно с ее дочери, Лили все отрицала. Нарушение сна, закрытость для общения, концентрация внимания на пугающих вещах, безэмоциональное состояние, немотивированный плач, бредоподобное фантазирование...

– Ее поведение это результат неких галлюцинаций. Она видит то, что закрыто от нашего восприятия, – консультировал врач, – пусть вас это не пугает. Детская шизофрения поддается лечению.

– Что нужно делать? – голос Франка чуть дрогнул.

– Мы поместим ребенка в наш диспансер. Лечение стандартное. Галлюцинозную симптоматику лечат галоперидол, хлорпромазин, возможно использование антипсихотических препаратов.

– Нейролептики? – Лили плакала, – но она же совсем ребенок!

– Я понимаю вашу обеспокоенность, но купирование болезни на ранней стадии необходимо для ее же блага, – психиатр был непоколебим.

– Но не таким образом!

Лили встала из-за стола. Франк попытался остановить жену, но та и слушать не хотела о разрушительной химии, что эти садисты хотели дать малышке.

– Любовь, Франк! Наша любовь – все, что ей нужно! – Лили была непреклонна.

И Франк не посмел переубедить жену. Обнимая трясущуюся в рыданиях любимую женщину, он готов был сделать все так, как решит она. Докторам предоставили слишком много шансов на ошибки, и они охотно использовали их, предрекая гибель ребенка всякий раз, когда появлялись тревожные симптомы. И каждый из этих разговоров Лили упорствовала. Каким-то образом ей удавалось быть правой во многих ситуациях, вопреки мнениям врачей. И в этот раз Франк надеялся, что материнская интуиция снова не подведет.

Таким образом, больница получила отказ семьи на госпитализацию. Нина осталась дома бороться со своим недугом вместе с родителями. Лили оставила работу в ателье, чтобы прово-

дить все свое время дома с дочуркой. Франк же продолжал работать в инжиниринговой фирме и оставался главным источником доходов семьи.

Окруженная бесконечной любовью и терпением родителей, Нина вскоре подала надежду, приоткрыв занавес в ее таинственный мир галлюцинаций.

Лили работала за швейной машинкой, чьи четкие удары раздавались в каждом уголке дома. Отвлекаясь от очередного частного заказа, мать шила разноцветное пуховое одеяло для дочери. Сзади слышались шаркающие звуки. Так звучали только тапочки Нины в виде кудрявых ежей. В пижаме с голубым плюшевым слоном в одной руке и клочком бумаги в другой она подошла к маме и протянула листок.

– Что это? Твой рисунок? – с улыбкой спросила мама и взглянула на творение дочки. Неизвестно, что она ожидала увидеть. Может, небо, лес, дом с крышей, а на переднем плане мама, папа и дочь, держащиеся за руки. Такое рисуют все дети. Но не Нина. В этот раз она снова напугала мать. Лили увидела Их.

Монстры.

Поначалу, Лили с трудом разбирала образы, размазано выведенные карандашами, но вскоре картина прояснилась. Монстры были похожи на людей, но очень далеки от них. Они стояли сразу на четырех конечностях, словно пауки. Лысые непропорционально большие головы с лицом без глаз, без носа, лишь широкий рот с оскалом в тысячи острых зубов. Было видно, как важно для Нины передать их цвет, она старательно смешивала белый и голубой карандаши, чтоб получить синеву обескровленного тела. Странные свисающие рваные одежды, до жути испугали Лили, когда она поняла, что это – кожа...

– Они мешают мне любить вас, – прошептала Нина и тут же осеклась, увидев что-то за спиной матери.

Лили немедленно обернулась, но там, разумеется, никого не было. Когда она повернулась к дочери, той и след простыл.

В тот же вечер рисунок увидел отец. Мужчина долгое время рассматривал альбомный лист, пытаясь понять, что же такое творится в голове дочери, что заставляет ее видеть их. Откуда фантазия дочери берет столь ужасные образы?

Единственное, чему обрадовались родители, это то, что дочь постепенно преодолевает порог молчания. Нина заговорила сама без наводящих вопросов, без толчков со стороны. Более того, она сама приоткрыла завесу своей тайны, показала им причину болезни. И это определенно было хорошим знаком. Значит, Нина понимает, что с этими уродцами что-то не в порядке и, наверняка, хочет избавиться от них.

Родителей вдруг осенило, что весь этот недуг малышки, это и есть те монстры. «Они мешают мне любить вас», – сказала Нина. А может, они также мешают ей говорить, играть, смеяться? Не имея возможности понять, откуда взялись столь странные и ужасные галлюцинации, родители Нины ясно понимали одно – Нина очень боялась монстров, она была жертвой собственного больного воображения.

– Какие же отвратительные морды, – приговаривала Лили, всматриваясь в уже слегка подряхлевший от демонстраций врачам лист.

После увиденного детского рисунка доктора решили напором сломить упрямых родителей. Непонимающие всю серьезность заболевания трусливые родители могли лишь усугубить ситуацию тем, что противились отдать дочь в профессиональное медицинское учреждение, которое предназначено для помощи таким детям. Был даже момент привлечения социальных служб, работники которых проводили многочасовые беседы с Лили и Франком, чтобы донести до них всю опасность проблемы, которую не излечить домашними средствами.

– Эти чудовища – это результат работы мозга, который воспринимает действительность в искаженном виде. Представьте, что еще она может видеть вокруг, если эти монстры являются частью ее реальности, – говорили врачи.

Но как всегда, Лили была неотступна. Нина снова осталась дома.

Монстры навещали Нину во снах, в сюжеты которых она посвящала только мать, поскольку Лили была единственной, кого эти мрази боялись. Лили с замиранием сердца слушала дочь, которая рассказывала об ужасных кровавых историях, где люди избивали друг друга, резали и убивали, что повергало мать в шок. Она не могла понять, откуда трехлетний ребенок берет информацию о таком количестве садизма. В три года Нина уже знала, что человек умрет за пару минут, если проткнуть ему шею, полчаса достаточно при ранении печени, одной минуты – при повешении, если не сломалась шея. Лили допускала, что Нина могла уловить эту информацию из телевизора или радио, которые были немедленно отключены от сети и заперты в гараж. Но сама избирательность Нины в поступающей извне информации пугала.

Когда Нина однажды поймала во дворе заблудшего котенка, жалобно мяукавшего в поисках матери, Лили едва успела остановить дочь от страшного злодеяния. Нина не знала, откуда в руке у нее оказался осколок стекла, который уже приблизился к шее крохотного существа, прижатого ладошкой Нины к земле. Он тихо звал на помощь. И помощь подоспела. Лили побежала к дочери и выхватила у нее без трех секунд орудие убийства. Нина объяснила, что ей вспомнился один из эпизодов кошмара, виденного накануне, и ее охватило необъяснимое желание увидеть его наяву. Бедная женщина постаралась, как можно ярче, объяснить трехлетнему ребенку, что такое убийство и почему это плохо. Хотя Лили была абсолютно уверена, что Нина знала, что такое убийство. Но ей требовалось объяснить, почему это плохо.

Когда Нина проявила садистские наклонности, Лили осознала опасность, исходившую от невидимых «друзей». Они учили Нину быть жестокой.

Уверенная в том, что свою дочь она знает гораздо лучше всяких мозговитых докторов, Лили начала читать труды по психологии. Множество книг заполонило дом. Лили читала все, что хоть как-то было связано с миром чудовищных образов, в которых жила Нина.

Постепенно Лили стала действовать. И начала она по стечению обстоятельств с питания. Ряд каких-то трудов подробно описывал, как отдельные продукты питания влияют на протекание биологических процессов в мозгу при психических расстройствах. Поначалу это казалось нелепым, Франк-то, вообще, скептически отнесся к идее жены, но тактика была избрана по воле случая.

Во время очередного похода в магазин Лили заметила интерес Нины к банке с консервированной фасолью.

– Хочешь взять одну? – спросила мать у дочери.

– А можно? – тихо спросила Нина, словно это было преступлением.

Лили рассмеялась.

– Ну, разумеется, дорогая! Правда я ни разу ее не готовила, но все бывает в первый раз.

Лили потянулась к банке, но Нина ее остановила.

– Нет, не эту. Вон ту, – крохотный палец указал на банку с полки повыше.

И хотя Лили не понимала, что именно так привлекло ее дочь к одной конкретной банке, ведь они все были одинаковыми, она достала с полки нужную дочке банку и отдала Нине, которая тут же стала крутить ее в руках и подробно рассматривать.

– Может, хочешь выбрать что-то еще? – неуверенно спросила Лили.

Нина словно ждала этот вопрос всю жизнь. Она охотно закивала и повела мать между прилавками магазина. Они набирали все, что приглянулось Нине, причем Лили так и не смогла понять, по какому принципу дочь выбирает товары. Она клала в тележку и дешевые консервы, и игрушки для собак, хотя у них никогда не было собак, и хозяйственное мыло, которое Нина с трудом достала из щели между полками, хотя рядом лежала целая гора такого же мыла. Ее непременно нужно было поднять к верхним полкам, чтобы она сама выбрала нужную банку джема, и она искренне не понимала, зачем покупать целый лоток яиц, если ей нужно было только одно определенное яйцо из десятка.

Женщина не знала, что Нина видит разные истории, прикасаясь к тем или иным предметам. Об этих историях Монстры велели молчать.

Пока Лили готовила обед, Нина сосредоточено разглядывала выбранные ею предметы, а на вопросы Лили, что же такого особенного в этом рулоне бумажных полотенец, Нина отвечала однообразно:

– Не могу сказать...

Лили не торопила Нину раскрыть очередные тайны ее невидимого мира, она была рада уже тому, что Нина была заинтересована чем-то еще кроме рисования страшных морд.

Лили пыталась занять Нину чем-либо каждую минуту. Но занять надо было чем-то действительно интересным. Вроде визита в лавку, торгующую пряностями и травами, из которых позднее они вместе готовили ужин. Франк лишь смеялся над их «увлечением народной медициной», как сам он говорил, не видя в этом увлечении более глубокого смысла. Засушенные травы источали ароматы, которые и вызывали неподдельный интерес Нины. Она могла часами раскладывать душистые листья и веточки по банкам, внюхиваясь в каждую. Лили не знала, что именно увлекало ее дочь в этом занятии, но увлекало же, а это было главным.

Они добавляли травы в горячую ванну, что стало настоящим обрядом. Лили помогала Нине приготовить, так называемый, запах дня. Они кидали в горячую воду засушенные листья чистеца, кориандра, земляники, мяты и еще много других, наливали ароматическую пену так, что вокруг летали белоснежные облачка. Экзотические ароматы разлетались по всему дому.

– Итак, кого возьмем на небушко? – спрашивала Лили.

Нина рыскала по комнате в поисках везунчиков и набирала целую гору резиновых игрушек, а потом в воде посреди густой пены с ней плавали резиновые зайцы, черепахи, лодки, куклы.

Чувствуя предрасположенность дочери к беседам в определенные моменты, Лили осторожно расспрашивала о монстрах и с каждым разом узнавала о них чуть больше.

– Они всегда рядом, – пролепетал детский голосок.

– Даже сейчас? – спросила Лили, раскачивая дочь на качелях.

Нина покачала головой.

– Они тебя не любят, – чуть слышно прошептала Нина. – Они тебя боятся...

Лили остановила качели и заглянула в бездонные серые глаза дочери.

– А сейчас они нас слышат? – спросила мать.

– Они всегда всё слышат...

– Тогда знаешь, что я хочу им сказать? – со всей серьезностью произнесла Лили.

Нина приготовилась внимать. В ту же секунду Лили схватила дочурку и повалила на снег. Варежки мешали двигать пальцами, но ей удавалось щекотать Нину так, что та заливалась от смеха. Лили обняла дочь и повторяла ей в ухо раз за разом:

– Монстры, уходите, оставьте мою малышку! Слышите? Эй, там! Уродцы! Мы вас не боимся! Оставьте мою малышку!

Мама продолжала ее щекотать, и детский смех, такой редкий здесь, заливал всю округу.

Физическое изнурение ребенка, как бы жестоко это ни звучало, стало еще одним важным инструментом в борьбе с монстрами. Мать с дочкой проводили очень много времени в прогулках. Задний двор стал средоточием активного времяпрепровождения. Надо и в скакалку попрыгать, и в резиночки, покачаться на деревянной лошади и сыграть в считалочку на клас-сиках, а еще покидать мяч и сыграть в бадминтон, пусть даже волан сдувает ветром.

Вскоре Нина даже смогла выйти на общую детскую площадку, когда там было не больше двух или трех детей. Уж их присутствие можно было вытерпеть, ведь так хотелось покататься на карусели и повисеть на турникетах вниз головой.

В итоге они гуляли так много, что Нине не хватало времени поиграть в комнате с куклами или конструктором, и это, как ни странно, печалило ее, ведь еще год назад она даже притрагиваться к ним не хотела.

– Я обязательно поиграю с ними завтра, – бубнила обессиленная после прогулок девочка, проваливаясь в глубокий сон, длившийся до самого утра. И на следующий день, едва покончив с завтраком, Нина бежала в спальню выполнять обещание.

Так Лили победила невротические недосыпы. Она не знала, продолжали ли кошмары навещать дочурку, но бодрая Нина, торопившаяся на встречу с играми, которые до недавних пор не вызывали у нее интереса, заставляла Лили верить в лучшее.

Однажды они вдвоем прогуливались по улочкам своего района, едва заполненными людьми в рабочие часы. Внимание Нины привлек телевизионный экран на витрине магазина электроники, по которому транслировали танцевальную передачу. Изящная гибкая балерина, обтянутая в лосины, с легкостью выделывала па и кружила по сцене, точно в невесомости. Лили тотчас же заметила неподдельный интерес дочурки, которая буквально прилипла к стеклу.

За поздним ужином, когда Нина уже крепко спала, Лили начала обсуждение с мужем.

– Лили, я понимаю твоё желание, но как бы мы не сделали хуже, – говорил Франк.

– Но она так хочет танцевать! Ты бы видел! Сегодня в парке она даже пыталась кружить, как балерина! – умоляла Лили.

– Иногда в порыве сделать, как лучше, мы забываемся и не принимаем во внимание все факты. Милая, она болеет. И болеет серьезно. Это не пройдет в один день лишь потому, что мы так сильно этого хотим. Нам следует быть аккуратными.

– Я понимаю, – Лили почти плакала. – Просто она была так счастлива в тот момент, и эти моменты так редки!

– Тем не менее, отдать ее в танцевальный кружок может повлечь непоправимые последствия, – голос Франка был как всегда мягок, – такие заболевания делают из людей социальных изгоев. Ей комфортно одной. Ей комфортно с нами, потому что мы с ней всегда. Но там совершенно чужие люди, это будет стрессом для нее.

– Я не хочу, чтобы она всю жизнь провела в изоляции от людей!

– Я тоже не хочу. Мы подготовим ее. Сейчас просто не время.

Врачи полностью поддерживали Франка. Социальная адаптация Нины проходила медленно. Она не общалась с детьми на площадке, с трудом выдерживала наблюдения педиатра в детской комнате больницы, а если Лили просили оставить ее с врачом наедине, Нина просто замыкалась и не реагировала ни на какие попытки врачей завязать с ней контакт. Когда Лили предложила определить Нину в школу развития для детей-аутистов, которые как нельзя лучше подошли бы для первых шагов социализации, и где Лили мола бы присутствовать сама, врачи убедили ее в том, что эта идея изначально обречена на провал, поскольку Нина – далеко не аутист. Ее проблемы – иного характера. Она испытывала галлюцинации неопределенного рода, возникающие в неустановленных условиях. Они просто не могли понять, отчего и где появляются галлюцинации. Казалось, что они возникали спонтанно, поскольку никакие смоделированные ситуации не позволяли определить зависимость между какими-либо факторами внешней среды и их возникновением. Попытка социализировать ее в раннем возрасте грозило опасными нервными срывами. В первую очередь, нужно было полностью изучить ее видения.

Лили понимала, что в словах окружающих есть смысл. Да она и сама была с ними согласна. Просто материнский инстинкт заставляет родителей пребывать в постоянном поиске всего самого лучшего для ребенка. Главное – это не потерять бдительность в погоне за детским счастьем.

Лили безумно хотелось умножить количество моментов, подобных тому, который она наблюдала в парке, когда Нина напевала себе под нос мелодию и кружилась в такт. И она не сдавалась.

Неугомонная женщина, как всегда, нашла выход из ситуации. Уже на следующий день после вердикта врачей она сшила из накрахмаленной сетки и шифона подобие детской балетной пачки. Безумный восторг читался в глазах Нины, когда мать вручила той пышную розовую юбку. Но это было не все. В тот же день Лили повела дочь в магазин, где они купили в тон юбке атласные балетки с завязками, прямо как у настоящей балерины. Лили пришлось потрудиться, чтобы вспомнить классы хореографии, которые она брала в юности, но, как обычно это бывает, мышцы сами вспоминали позиции, упражнения, прыжки, повороты, разнообразные па. Лили даже сама удивилась, с какой легкостью ей в ее тридцать пять лет удается прыгать и сгибаться. Ухватившись за спинку дивана, Нина с энтузиазмом повторяла все движения матери и просила ту не останавливаться, когда бедная женщина уже не в первом поту устраивала передышки. Но восторженные возгласы Нины стоили каждой потянутой мышце и утренних болей в пояснице.

Спустя два года после постановки диагноза скепсис врачей, наконец, сдался и предположил наличие правильных подходов в методике Лили в борьбе с шизофренией дочери. Ежедельные визиты к врачам сначала превратились в двухнедельные, а когда Нине исполнилось пять лет, даже ежемесячными. Доктора пытались объяснить успехи Нины (хотя было бы правильным говорить об успехах Лили) многочисленными научными терминами, описывающими благоприятную обстановку и отсутствие стрессов, но у Лили вместо тысячи заумных слов было два – любовь и внимание.

Розовощекая в нормальном весе смеющаяся Нина все больше становилась желанным гостем в поликлинике. Она даже проявляла инициативу в разговорах с медсестрами, рассказывая тем забавные истории. Кто-то из начинающих педиатров даже выразил желание написать научную работу по подходам, которые Лили использовала в лечении. Анализы опровергали подозрения докторов в использовании Лили медикаментов. Все, что им оставалось делать, это снова пожимать плечами и удивляться.

– Думаю, вы обрадуетесь, если скажу, что хочу снять вас с ежемесячного наблюдения, – сказал врач.

Лили улыбнулась, глаза сияли бесконечной радостью и гордостью за саму себя.

– Показатели Нины улучшаются, мы все поражены Вашей настойчивостью, – доктор улыбнулся. – Как насчет следующего визита через три месяца?

– Это – отличная новость, доктор! – ответила Лили, едва сдерживая эмоции от похвалы, словно только что получила медаль за хорошую учебу.

– Но, разумеется, при первых же признаках ухудшений Вы немедленно к нам обратитесь.

– Надеюсь, их не будет!

– Я тоже на это надеюсь, – доктор снова улыбнулся, искренне радуясь за маленькую Нину, которая сидела рядом с матерью и заплетала кукле волосы.

Пять лет бескорыстной чистой родительской любви служили самым действенным лекарством против страшных галлюцинаций, природу которых не могла постигнуть даже Нина. Это были пять счастливейших лет в ее жизни – вывод, который она сделает много позже. Любопытно бы позавидовал тому вниманию, что оказывалось девочке со стороны отца и, в особенности, матери. В современном мире, где люди постоянно куда-то спешат, дети остаются без внимания взрослых, вырастая в окружении других брошенных детей, где им редко помогут отличить правильное от неправильного, хорошее от плохого. Зачастую они делают такие открытия сами, а если нет, то иногда бывает уже слишком поздно расставить для них акценты. В конечном счете, дети вырастают в тех же взрослых, что окружали их в самый важный момент жизни, откуда в глубинах подсознания они выносят вечное одиночество, которое уже никуда не денется.

Но все это было верным не для Нины. Ее недуг подобно врагу, объединяющему союзников в войне, скреплял семейные узы все туже и сам ложился под топор войны. И пусть даже монстры никуда не исчезли, потому что их природа выходила за рамки привычных галлюцина-

ций. Они являлись чем-то более мощным, нежели бред шизофреника. Монстры были некоей силой от которой не избавишься танцами да травами. Они были силой, которую Нина познает гораздо позже.

Но чем бы ни обладала Нина, важным было одно – Нина изначально тянулась к любви и жизни, нежели к боли и смертям, что ей демонстрировали монстры. В этом и был успех Лили. Мы все рождаемся с милосердием и безграничной любовью в сердце, о которых забываем, лишь повзрослев. Лили просто вытаскивала эти чувства из груди ребенка и учила Нину гордиться ими.

Лили выполнила самую сложную задачу, которая впоследствии спасала жизнь Нины еще много раз. Мать показала ребенку, что монстров не стоит бояться. Да, пускай они здесь, но они вовсе не всесильны. Их сила пропорциональна твоему страху перед ними.

– Стоит только страху закрасться в душу, как эти страшные зубастые морды непременно возжелают воспользоваться твоей слабостью. Не позволяй им это, Нина, – говорила Лили, успокаивая Нину перед сном.

– Они сказали, что мое тело принадлежит им, – прошептала Нина в ответ.

– Они лгут! Твое тело принадлежит только тебе! Они просто хотят отобрать его у тебя, потому что своего не имеют.

Нина задумалась.

– Но ведь я могла бы с ними поделиться. Может, тогда они станут добрее?

Лили грустно улыбнулась. В попытках раскрыть в дочери сострадание к окружающим, лишь бы заглушить тот садистский потенциал, что она скрывала в себе, Лили рисковала вырастить хрупкого человечка, которым те же окружающие будут пользоваться.

– Милая, это не поможет.

– Но почему?

– Эти монстры – не безобидные. Раз отдав им свое тело, ты его больше никогда не вернешь.

Нина нахмурила брови. Как бы ей хотелось сделать монстров добрее!

– Они говорят, что если я не буду Их слушаться, они сделают мне больно, – прошептала она.

– Вот видишь? Монстры – жалкие трусы, которые пытаются запугать тебя своим враньем. Не поддавайся им!

И Нина засыпала с уверенностью, что сможет противостоять уродцам в кошмарах. И хотя Монстры по-прежнему мелькали наяву то здесь, то там, костлявые тельца неподвижно сидели в углах комнаты, висели на люстре, валялись в грязи во дворе, сердце Нины больше не трепетало и не замирало при виде Их. Они стали привычной частью окружающего интерьера. Со временем Их шепот становился все тише, а контуры – размытыми. И Нина уже была готова выйти в мир нормальных людей.

Все изменилось даже не в один вечер, а в одно мгновение, потому что тот вечер пронесся как ураган – быстро, разрушительно, оставив после себя смерть.

Глубоким вечером, когда семья села за привычный поздний ужин, в дом ворвались трое грабителей. Уже позже полицейские сделают вывод о том, что их выбор пал именно на дом Франка, только потому, что тот стоял в конце улицы, а единственным зданием рядом был пустующий дом на продажу. Ближайшие соседи нескоро услышали подозрительный шум, дав преступникам роковые дополнительные минуты.

Они ворвались в дом так нагло и так внезапно, что Франк не сразу сообразил, что происходит. Мужчины в лыжных масках воспользовались замешательством главы семейства и немедленно уложили всю семью на пол. Лили крепко прижимала Нину своим телом, пока ублюдки переворачивали дом вверх дном.

– Где сейф? – нервно закричал один из них, подлетев к лежащему на полу отцу, и нацелив на того толстое дуло дробовика.

– У нас нет сейфа, мы не богаты! – дрожа, ответил отец, после чего мужчина дважды ударил его прикладом ружья по лицу. Послышался хруст сломленного носа.

– Сейф! Коморка! Кладовка! Мне насрать, где ты хранишь бабло! Где оно?! – кричал мужчина.

Грабитель трясся, но не из-за страха, а из-за жуткой ломки, от которой, по-видимому, страдал не первый день. Иным образом невозможно объяснить столь нелогичное решение наведаться в квартал, где обитают семьи средних классов, чей доход далек от достаточного. Потом полицейские заявят, что преступниками двигала жажда пусть даже не большой, но легкой наживы, поскольку потребность в очередной дозе была велика.

Отец, захлебываясь собственной кровью, пытался ответить:

– В спальне в туалетном столике! Там есть немного денег и несколько украшений моей жены! Это – все, что есть! Клянусь! Заберите все, только, пожалуйста, не трогайте нас!

Франк поперхнулся кровью, попытался откашляться, но кровотечение было обильным, и он снова поперхнулся, чем только взбесил наркомана. Во время очередной булькающей попытки Франка откашляться, ломка достигла предела. Адские муки, что испытывал грабитель, были видны невооруженным глазом даже под маской. Сквозь черную плотную ткань на лице пятнами проступал пот, красные глаза с лопнувшими сосудами делали его похожим на бешеного зверя. Он еле стоял на ногах, ружье все больше тряслось в руках. Видимо, за многие годы наркотики бесповоротно изъели мозг бедняги, и он давно утратил способность мыслить здраво. Боль была настолько мучительной, что в искаженном уме пронеслась мысль, подобно стремительной искре, вспыхнувшей, погасшей, и оставившей дымчатый след. Роковая идея того, что он может облегчить боль, передав ее часть кому-то еще. В следующую секунду он без единого колебания спустил курок, прострелив голову отца на глазах Лили и Нины. Фонтан крови ударил в стену, где висела фотография с запечатленным на ней третьим Днем Рождения Нины. Теперь с улыбающихся лиц счастливой семьи в цветных колпаках вокруг праздничного торта со свечами стекала темно-красная смесь мозгов и крови.

Лили завизжала.

– Папа! – закричала Нина и уже хотела сорваться и подбежать к окровавленному трупу с кашей вместо головы, но рыдающая мать еще крепче стиснула дочь в объятиях.

Пока другие два сообщника переворачивали дом, вытаскивая из шкапулок дешевые сережки и кольца, скидывая все без разбора в один мешок, где уже лежали серебряные приборы со свадьбы Франка и Лили, бережно хранимые в антресоли на особый случай, и шуба Лили (в спешке они даже не поняли, что она искусственная), на кухне продолжалась трагедия.

Садист с дробовиком одним резким рывком вырвал Нину из рук матери.

– Нет! – завопила Лили, – Пожалуйста! Не трогайте ее! Берите все, что хотите, но только не трогайте ее! Умоляю вас! Она все, что у меня есть! Пожалуйста, только не мою малышку! – рыдала Лили.

Бедная женщина была почти в беспамятстве не в силах поверить, что весь этот ужас происходит на самом деле.

– Где еще драгоценности? Отвечай, сука! – нервно кричал тип, направив дуло дробовика на Нину.

– О, Господи! Прошу вас! Берите все, что хотите! Умоляю вас! Берите все, что хотите! Пожалуйста, отдайте ее мне! – кричала Лили.

Нина плакала и пыталась вырваться из рук убийцы, она кусала его, пинала. Но ей было всего пять лет! Что могла сделать маленькая хрупкая девочка в мощных мужских руках?

Составляя картину преступления, полицейские предположили, что соседи позвонили в службу спасения уже после первого выстрела. Это и неудивительно, ведь хлопок от выстрела из

дробовика может достигать нескольких километров, и его мало с чем можно спутать. Поэтому когда Нина болталась над полом в руках наркомана, вдалеке послышался вой полицейской сирены.

– Копы! – закричал один из грабителей.

В этот момент внутри Лили затеплился огонек надежды. Этот спасительный звук сирены сейчас казался божьим гласом!

– Мика, сваливаем! – крикнул второй.

Но, видимо, Мике нравилось орудовать дробовиком, а может, снова какая-то мысль посетила больной мозг, превратившись в очередную гнусную идею.

– Возможно, он хотел поразвлечься, – сделает вывод детектив и добавит. – Иногда людей просто выбешивает, когда что-то идет не по плану, и ублюдок решил остаться в хоть каком-нибудь выигрыше.

В итоге дуло ружья нацелилось на Лили. Лицо женщины окаменело. Что она почувствовала в этот момент? Страх перед неожиданно возникшей смертью или радость оттого, что теперь дочь вне опасности? Красные заплаканные глаза оцепеневшей женщины уставились в дуло ружья. Она смотрела на свою смерть.

Маленькая Нина за долю секунды поняла, что последует дальше. Невероятно, но пятилетнюю Нину охватил животный инстинкт защитить родного человека. Позже она будет винить себя в собственной слабости, в провале. Но в тот момент она была уверена в своих силах и, что есть мочи, вцепилась зубами в широкое мужское запястье.

Мика заорал:

– Ах, ты, маленький сученьш!

Он силой отшвырнул Нину к стене с такой легкостью, будто она весила не больше грамма. Нина ударилась затылком о кухонный шкафчик, боль резко отдалась по всей голове.

– Нина! Нет! – были последние крики Лили.

В следующий момент оглушительный выстрел повалил женщину на пол.

Нина видела все. Хотя она и не сразу поняла, что увидела. Мысли сбивал привкус соленого пота и крови во рту. Кровь была не ее. Видимо, она глубоко прокусила руку грабителя. Этот вкус она запомнит на всю жизнь.

Через несколько секунд после заключительного хлопка в доме стихло. Это была странная тишина, зловещая. Где-то возле дома выли сирены, слышались крики людей. Но все это казалось каким-то далеким отсюда, недостижимым, словно из другого мира за занавесом. А по эту сторону занавеса была лишь глубокая и мертвая тишина.

На четвереньках Нина подползла к трупам родителей и села между ними. Они лежали рядом друг с другом, еще немного и их ладони соприкоснулись бы точно символ вечной любви. Но они замерли навеки. Больше эти люди не сделают ни малейшего движения. Маленькие детские ручонки схватились за мертвые пальцы сначала матери, потом отца.

Кровь была повсюду: капли, мазки, брызги, струи. На полу растекались две лужи. Одна большая – из-под отца, которого убили чуть раньше матери, вторая – поменьше, она только начала просачиваться из-под еще теплого тела Лили. Кровавые лужи становились все шире и шире, распространяя тяжелый металлический запах. Медленно и упорно они беспрпятственно расползались, покрывая паркет темно-красным ковром. Нина и не заметила, как оказалась посреди одного гигантского кровавого озера.

Девочка продолжала сидеть и ждать, что мама сейчас проснется, начнет щекотать дочку, как она это делала, когда Нина садилась к ней на кровать по утрам. Но позы родителей были столь неестественными, что даже маленький ребенок понимал, что что-то здесь не так. Всего несколько минут назад они втроем весело ужинали, Нина даже сама приготовила бисквитное печенье в форме животных. Они долго смеялись над тем, как папа изображал оленя. А сейчас...

Крики, рыдания матери, мольбы отца, оглушительные хлопки – все как будто произошло целую вечность назад в одну мимолетную секунду. Бешено колыхнувшееся сердце – единственное, что осталось с того момента.

«Почему они не двигаются?» – мысль то и дело мелькала в гудящей голове ребенка.

«Потому что они мертвы», – ответил шепот.

«Нет... я тебе не верю», – Нина краем глаза взглянула на Монстра, сидящего чуть поодаль.

«Ты знаешь, что они мертвы», – произнес другой шепот. Этот Монстр сидел позади Нины, но она не удостоила его взглядом.

Мысли собирались в одну большую кучу. В одно мгновение Нина вспомнила тысячи кошмаров, тысячи картин, которые часто возникали перед глазами сами собой. В них всегда была смерть. Благодаря им, она знает, что такое смерть. Она знает, как выглядит смерть, как она пахнет, как звучит, какого она цвета, какая на вкус, на ощупь... Но почему же сейчас так сложно принять тот факт, что героями одной из таких картин сдали мама и папа? Почему она не может поверить в их смерть?

В дом вбежали два парня в полицейской униформе. Увидев трупы на кухне, они едва заметили кроху, сидящую посреди этого кошмара. Нина и их едва удостоила вниманием.

– В доме чисто! Немедленно пришлите врачей! – дал один из них команду по рации.

Потом, охваченные чувством долга поймать мерзавцев, полицейские побежали к задней двери, ведущей на двор. Именно там скрылись грабители. Проводив полицейских взглядом, Нина снова уставилась на холодеющие тела родителей. Боковым зрением она уловила в дверном проеме черного мужчину. Он был в костюме и сером плаще, а на голове – серая фетровая шляпа. Он долго и пристально смотрел на Нину, его лицо, казалось, не выражало эмоций. Потом он опустил глаза.

Дальше все было, как в тумане. Нина уже не понимала, что происходит. Нина помнит череду незнакомцев, заполонивших дом: полицейские, люди в синих халатах, люди в костюмах. Их было очень много, и это пугало Нину. Что эти чужаки забыли здесь? Что им надо? Их сюда не звали! Они здесь чужие, но чувствуют себя так уверенно в стенах ее дома. Она помнит, как не хотела отпускать мамину руку, но люди в синем все же расцепили их. Неподвижные тела родителей завернули в какие-то черные мешки, Нина не поняла зачем, в этих мешках ведь трудно дышать!

Мужчина в шляпе вынес Нину на руках и усадил на капот машины. Он укутал ее в теплое колючее одеяло и стал задавать вопросы. Она уже не помнит какие, что-то вроде «сколько их было?», «как они одеты?». Нина спокойно рассказала все, что он хотел узнать, что было странным, ведь она не любила разговаривать с незнакомцами. Однако, было в этом мужчине что-то притягательное, что заставляло чувствовать себя рядом с ним в безопасности. Он рассказывал ей истории про лошадей, пока она потягивала горячий чай из пластиковой крышки термоса. Он даже спел ей одну красивую песню про любовь, смысл которой Нина тогда еще не понимала.

За все время, пока она наблюдала за тем, как в доме сверкают вспышки фотоаппаратов, Нина не проронила ни одной слезы. Наверное, так проходил шок в детском организме, а мужчина в шляпе поспешил этим воспользоваться, занимая Нину интересными историями.

Следующее, что запечатлелось в памяти Нины, это то, как ее отвезли в детскую городскую больницу, которую в последнее время она посещала все реже. Здесь ее осмотрели, прослушали грудь холодным стетоскопом, который всегда щекотал ее, измерили температуру. Обеспокоенные и сочувствующие взгляды знакомых лиц дежурных медсестер рождали подозрения в детском сердце. Но все, что в тот момент Нина смогла понять, это то, что произошло что-то плохое.

Пока Нина находилась под действием шока, она не осознавала тот факт, что осталась полной сиротой. Но когда на утро у нее пройдет шок, и она забьется в жесткой истерике, рядом с

ней должны присутствовать доктора, потому что с проблемой такого масштаба обычным сестрам не справиться. Поэтому они сделали ей укол снотворного и оставили в темноте одиночной палаты.

Когда все вокруг стихло, и Нина уже начала проваливаться в сон, она заметила Монстра, неподвижно сидящего на кресле возле окна. Он снова наблюдал за ней и пытался что-то сказать. Его шепот все еще был тусклым. А вот прежде мутный образ, теперь стал более отчетливым.

Глава 2. Новый дом

– Доктор Йокин, – позвала худенькая молодая медсестра. Светлые волосы аккуратно заплетены в косу, точно ржаной колосок.

Доктор Зорий Йокин, невысокий мужчина сорока лет с пышными черными усами, остановился.

– Доктор Йокин, прием с Алтоном из третьей палаты отменен. С ним снова случился припадок, ему вкололи транквилизаторы, и сейчас он спит, – выпалила девушка, слегка запыхавшись.

– Эх, беда... – задумчиво произнес Йокин. – В таком случае у меня длительный перерыв. Я буду в компьютерном зале, дорогая.

– Доктор Калев сказал, что, если пожелаете, можете познакомиться с пациенткой из седьмой палаты.

Йокин призадумался. Он едва помнил эту девочку по карте болезни, что изучал накануне. Случай был самым интересным из всей стопки медицинских карт, которые ему предоставили, как новому штатному специалисту.

– Да, я помню ее. Наша встреча назначена на послезавтра, не так ли? Ну, что ж, делать все равно нечего. Готовьте девочку, – кивнул Йокин. – Да, кстати, напомните, как ее зовут?

– Нина, – выпалил сестра, – ее зовут Нина Эстер. Она наша самая тяжелая пациентка, – грустно добавила девушка и быстро удалилась.

– Нина, – произнес Йокин себе под нос, – ну, посмотрим, как мы можем тебе помочь, Нина.

Детская психиатрическая лечебница, работником которой не так давно стал доктор Йокин, пользовалась немалой славой среди подобных учреждений. Развитая сеть отделений позволяла лечить детей с самого юного возраста. Спектр услуг был довольно широк, а глава учреждения – профессор Ян Калев, хоть и был достаточно молод – всего сорок с небольшим, слыл новатором в способах лечения детских и подростковых психических заболеваний. Он неустанно следил за разработками в области психофармацевтики, физиотерапии, огромное внимание уделял исследованиям в сфере психологических воздействий на подсознание, и одним из первых ввел сеансы гипноза для подростков, являясь противником агрессивного лечения химическими препаратами, чем очень понравился Йокину. Калев не боялся предлагать новые методы лечения своим подопечным, заручаясь обязательным согласием родителей. Также рьяно он относился и к подбору персонала. К потенциальным коллегам у него было много требований относительно их талантов и убеждений.

Доктор Зорий Йокин был принят в лечебницу месяц назад. Учеба в престижном медицинском колледже, позже в столичном медицинском университете, успешно защищенная докторская диссертация на тему особенностей применения гипноза для детей благотворно повлияли на его характеристику. Калев провел с ним единственное интервью, на котором понял, что перед ним сидит одаренный врач, трудолюбивый работник, а главное, такой же исследователь, как и он сам, с пытливым умом любознательного изыскателя, стремящегося уйти от устаревших взглядов в столь хрупкой и неоднозначной области, как психиатрия.

Йокин приступил к работе немедленно. За ним закрепили отдельный кабинет, который обещали в скором времени обустроить необходимой мебелью для проведения гипнотических сеансов. В лечебнице Йокин был единственным обученным специалистом в этой области. А до тех пор Йокин работал в качестве психиатра в третьем корпусе, где проживали отделения старшего возраста. Он проводил групповые и индивидуальные беседы с подростками, болевающими легкими формами психических расстройств: разного рода неврозы типа истерии, панического или тревожного расстройства, параноидные психозы, количественно выделялись

нервные анорексики. Йокин даже познакомился с целым рядом детей с психосоматическими расстройствами. В лечебницу привозили детей со всех уголков страны. С каждым днем число медицинских карт на столе Йокина увеличивалось, а сам он ждал, когда, наконец, приготовят его кабинет, чтобы он приступил к долгожданным сеансам гипноза, к воплощению своей мечты исследователя.

С сегодняшнего дня Йокин получил разрешение на работу с особо буйными больными. И первый же день в «буйном блоке» начался с того, что оба его пациента были усыплены один за другим. В этот день у Вилена, парнишки шестнадцати лет, обострились панические атаки, и он стал нападать на медработников, крича во все горло, что они пытаются украсть его органы. Другой же мальчуган по имени Алтон страдал особо опасным психическим расстройством – самоистязанием. Сегодня он снова попытался выцарапать себе глаза.

Как бы то ни было, доктор Йокин прекрасно понимал, что его ждет в этом блоке. При работе с буйными пациентами глупо планировать рабочий день на завтра, ведь никогда не знаешь, когда их мозг снова захочет сыграть в злые игры.

Йокин подошел к одному из кабинетов психотерапии, в котором обычно устраивал приемы. Все та же молодая медсестра, ее звали Илона, уже ждала доктора возле двери.

– Нина Эстер, пятнадцати лет, диагноз шизофрения, непрерывнотекущая, интеллектуальные расстройства, эмоциональные нарушения, частичные расстройства поведения, галлюцинации, эпизоды кататонического ступора, – доктор читал медицинскую карту пациентки.

– Сложность в том, что ее болезнь невозможно отнести к какому-либо типу шизофрении, – лепетала Илона, – в ней, как будто, есть все сразу...

– Возможная причина возникновения заболевания – шок от глубокого эмоционального стресса пережитого после убийства родителей, – доктор продолжал читать. – Сколько ей было, когда их убили?

– Пять. Пять лет, – ответила Илона.

Йокин озадаченно взглянул на сестру.

– Она видела, как их убили?

– Да. Их застрелили у нее на глазах. Страшная картина. Такое не каждому взрослому под силу пережить.

– У нее больше нет родных?

– Нет. Она – абсолютная сирота. Соцработник общается лишь с доктором Калевом. К сожалению, в ее состоянии о программе удочерения не может быть и речи.

Йокин снова пролистал карту, как бы повторяя информацию.

– Если я не ошибаюсь, тут где-то написано, что она состояла на учете у психиатра до трагедии, – наконец, проговорил он.

– Да, верно. Но она тогда была совсем ребенком. Родители отказались отдать ее в диспансер, а позже наметились улучшения и последняя запись, позвольте, – Илона взяла карту из рук доктора.

Едва дотронувшись до мужского волосатого запястья, легкая дрожь пробежала по стройной женской спине.

– Вот здесь, – сказала Илона, ткнув тонким пальцем на строчку

– Снята с ежемесячного осмотра до первых признаков ухудшений, – прочитал Йокин.

Это была последняя запись на бланках городского психологического диспансера, далее карта болезни велась на листах психиатрической лечебницы.

Йокин снова пролистал карту и сказал:

– Ну, что ж, я готов.

Илона постучала в дверь. Внутри кабинета санитар – крупный молодой парень двадцати пяти лет – открыл дверь. Йокин вошел в кабинет.

– Доктор Йокин, будьте осторожны, – услышал он тихий голос Илоны.

Санитар вышел, дверь за ним закрылась.

Кабинет представлял собой небольшую комнату с решетчатым окном. Как и в других подобных кабинетах, здесь стояли два кресла, кушетка и небольшой столик. Окна здания выходили в парк, и густая зеленая листва огромного конского каштана, одного из нескольких, посаженных вдоль корпуса, стучала по стеклу, тревожимая ветром.

Йокин прошел вглубь светлого кабинета, сел в кресло и только потом взглянул на пациентку.

Укутанная в больничный халат, из-под которого торчала уже изрядно поношенная сорочка, девушка неподвижно сидела в кресле напротив. Коричневые волосы длиной до лопаток были растрепаны и местами скомканы в узлы, которым помогут уже только ножницы. Руки и ноги, насколько их мог видеть доктор, покрыты многочисленными ссадинами, рассасывающимися синяками, свежими царапинами.

«Наверное, ты у нас очень буйная», – подумал он, и ему тут же вспомнились слова сестры, о том, что это – самая тяжелая пациентка в лечебнице.

Девушка сидела, словно застывшая во времени, даже дышала еле заметно. Худая и до жути бледная. Впалые щеки и отчетливая синева вокруг глаз придавали лицу очертания черепа. Нахмуренные брови, плотно сомкнутые губы передавали внутреннее напряжение. Взгляд больших необыкновенно серых глаз уставился в окно. Несмотря на создаваемое впечатление враждебности, лицо девушки казалось абсолютно детским, наивным, чистым и таким страдающим, словно печать смерти, которая коснулась его десять лет назад, оставила на нем несмысливающийся след.

Йокин отлично читал лица людей, более того, он безо всяких генетических тестов мог определить, болен ли человек с рождения или болезнь – приобретенная. Глядя на застывшее мраморное лицо девушки, Йокин понимал, что боль, от которой страдает ее невинная душа, источник которой спрятан где-то очень глубоко, и который ему предстоит отыскать, это боль несчастного человека, потревоженного трагичными ударами безжалостной судьбы. Злой рок не спрашивает твоего разрешения, не берет во внимание твое мнение, и выбор его порою непостижим человеческим разумом, но он ударяет свирепым беспощадным бичом и все, что остается делать – это рутинно заживлять раны, которые то и дело кровоточат.

– Здравствуй, Нина. Меня зовут доктор Зорий Йокин, я – твой новый лечащий врач.

Нина не подала виду заинтересованности, безжизненные глаза по-прежнему смотрели в окно.

– Мне очень хочется, чтобы мы с тобой подружились, – продолжал Йокин.

Девушка не шла на контакт, но Йокин привык к такой реакции, более того, считал ее абсолютно нормальной. Социальная отчужденность, сопровождающая основную массу психических расстройств, обуславливает нежелание больных идти на контакт с людьми, в особенности с чужаками. Более того, даже при беглом осмотре истории болезни Нины было ясно, что за десять лет пребывания здесь ей скормили все разнообразие имеющихся в лечебнице антидепрессантов, нейролептиков и транквилизаторов. Неизвестно, принесли ли они больше пользы или вреда. На секунду доктору показалось, что с полуживой девушки можно написать учебник по побочным эффектам антипсихотических препаратов.

Тем не менее, Йокин не переставал убеждать себя в том, что каждому из таких, как она, необходимо выговориться. Рано или поздно они принимали нового доктора и посвящали его в тайны своих блуждающих душ. Тяжело сдерживать безумие внутри себя, тяжело бороться с ним в одиночку. И Йокин потрясающе справлялся с доверчивостью пациентов, становясь их союзником в этой нелегкой борьбе.

– Ты находишься здесь уже долгое время, – продолжал Йокин. – Наверное, знаешь каждый уголок лечебницы.

Молчание.

– Ты ощущаешь себя как дома?

Взгляд Нины оторвался от окна и медленно перевелся на доктора. Необычайно светлые серые глаза Нины вперились в Йокина безо всякого смущения. И вроде он всегда готов к подобной реакции от пациента, они часто разглядывают его в попытке смутить своей наглостью, продемонстрировать бесстрашие. Но этот раз был каким-то особенным. Йокин почти физически ощущал ее взгляд, даже почувствовал, как что-то живое закопошилось в мозгу и приподняло волосы на макушке. Он вдруг вспомнил о своем рыбацком домике, где проводил отпуск в одиночестве. Выпускной школьный бал, на котором впервые поцеловал девушку. Он даже учуял запах подгоревших этим утром гренок на его кухне. А вот он выступает перед ректором университета и злится на собственные трясущиеся от страха руки. Он сидит за столиком уличного кафе и пишет свой телефонный номер для официантки, которая даже не удосужилась взглянуть на салфетку, прежде чем выбросила ее. Он идет в полуночный магазин, где продавец приветствует постоянного покупателя и уже достает из-за прилавка стандартный набор: бутылку виски и пакет семечек.

Стоп! Что это?

Зорий внезапно осекся и понял, что странным образом отвлекся от сеанса. Кутерьма из воспоминаний, сменяющих друг друга с быстротой миллисекунд, вывела из кабинета и отправила в путешествие по его прошлому. Как это получилось? Видимо, в последнее время навалилось слишком много работы, и вот результат – рассеянность прямо на рабочем месте. Йокин встряхнул головой, поругав себя за непрофессионализм, и прервал затянувшееся молчание.

– Я же напротив, совсем новичок здесь. Наверняка, ты смогла бы устроить мне интересную экскурсию, – говорил доктор, как ни в чем не бывало. – Может, знаешь какие-нибудь интересные места или истории?

«Истории? – думает Нина. – Я их знаю тысячи... спроси меня о том мужчине, что продал тебе этот идиотский зеленый галстук...»

– Вскоре я начну практиковать новый метод лечения, – говорил Йокин, – это гипноз. Ты ведь знаешь, что такое гипноз? Я надеюсь, что он поможет нам с тобой победить твой недуг, – Йокин дружески улыбнулся.

«Как же вы все слепы, – думает Нина, – я здорова... Я всегда была здорова».

После трагедии представительница социальной службы консультировалась с врачами, наблюдавшими Нину, и решение было принято единогласно – ввиду специфической болезни ребенок направляется в детскую психиатрическую лечебницу.

Нина отлично помнит тот день, когда ее привезли сюда. Стоял сильный ливень. Порывы ветра яростно трепали высокие деревья, небеса грозно рокотали, и вскоре начался град, стреляющий льдинками по окнам. Он словно предвещал начало какого-то ужаса. Вроде это было раннее утро, а может и поздний вечер. Если честно, в тот момент невозможно было понять время дня, настолько темно было вокруг. На фоне черного неба, разрезаемого яркими вспышками молний, старинное главное здание лечебницы казалось местом обитания чудовищ.

Незнакомцы в костюмах, сопровождавшие ее из детской больницы, сменились новыми незнакомцами в белых халатах. Одна из них – толстая женщина, от которой плохо пахло – взяла Нину за руку и повела по тускло освещенным коридорам с высокими потолками. Внутри раскаты грома были не такими оглушительными, как на улице, да и само здание не казалось таким уж и мрачным местом, но Нине все равно здесь не нравилось. Она все время хотела к маме.

Женщина завела девочку в большое помещение. Здесь было тепло и тихо, настоящий огонь скрипел поленом, высокие стеллажи с десятками или даже тысячами книг тянулись вдоль стен, а в углу стоял огромный глобус. Нину усадили на мягкий диван. Рядом присел полноватый и довольно старый мужчина. Седые волосы были зачесаны набок, в белоснежной бороде

изредка проступали черные островки. От него исходил резкий аромат одеколона. Этот лимонный запах останется в памяти Нины навсегда, он незаслуженно станет предметом ее лютой ненависти.

– Нина, ты должна побыть здесь немного, – говорил старик.

Его тихий томный голос звучал как колыбельная.

– Мы о тебе позаботимся, отныне мы – твоя семья. Мы будем с тобой рядом. Но папа с мамой уже не вернутся...

Девочка еле понимала смысл сказанных слов. Для нее это были просто слова. Они не имели значения. Нина все ждала, когда это все, наконец, закончится, и мама придет за ней. Детские глазки то и дело поглядывали на дверь, ожидая, что вот-вот она распахнется и войдет любимая мама. Иначе быть не может. Мама всегда была рядом с ней.

Доктора понимали, что безмолвие девочки – это всего лишь затишье перед бурей. Бедняжка еще не осознала, что произошло. Она до сих пор пребывала в шоковом состоянии. Но вскоре, как предсказывали они, ребенок закатится в истерику и будет требовать маму. Сколько раз они уже видели здесь такое. Детей оставляли в лечебнице на месяцы, а то и годы. Совсем новые пациенты тяжело переживали разрывы с родителями. И хотя каждый день вечернее время отдавалось часам посещения, детский рев стал здесь привычным. Но случай с Ниной был особенным, ведь ее мама никогда не придет. Никто не придет. Даже соцработник, которая не горела желанием печься об умалишенной.

Потом толстая неприятная женщина отвела Нину в маленькую двухместную палату, помогла разуться и уложила в холодную кровать. В небольшой комнатухе с крашеными стенами умещались всего две узкие железные кровати. На соседней кто-то спал, и Нине это не нравилось. В ту ночь Нина не сомкнула глаз. Она лежала на скрипучем жестком матрасе с громко сопящим рядом незнакомцем и смотрела в зарешеченное окно, в которое бились встревоженные завывающим ветром ветки деревьев. Нина все прокручивала в уме слова старика с белой бородой, и с каждой минутой тщетного ожидания возвращения мамы до нее постепенно доходил смысл того, что старик пытался донести до нее. Однако, девочка продолжала упорствовать, продолжала верить, что завтра за ней придут.

Утром ее новое место обитания ожило. В коридорах за дверью сначала послышались гулкие шаги, потом хлопала дверь, и громкий женский голос что-то выкрикивал. Этот набор звуков повторился несколько раз в неизменном порядке, прежде чем добрался до двери палаты Нины. Девочка сжалась и натянула одеяло до самых глаз, сердце бешено колотилось в ожидании предстоящего. Дверь резко распахнулась, и в проеме показалась та же тучная женщина, которая привела сюда Нину поздним вечером.

– Подъем! – прогремела санитарка басом.

Нина сначала не поняла, что все это означало, но просыпающееся тело на соседней кровати прояснило ситуацию: наступило утро.

Нина, наконец, увидела того, кто спал рядом. Толстая девочка немного старше Нины лениво потянулась, окинула враждебным взглядом новую соседку с ног до головы, после чего буркнула в ее адрес какое-то непонятное слово. Нина почувствовала в нем злость. Девочка надела резиновые тапки, встала с кровати, взяла со стула махровый халат и вышла из комнаты. Проводив соседку взглядом до коридора, где та исчезла, Нина заметила пробежавших мимо ее палаты детей примерно одного с ней возраста. По доносившимся снаружи звукам Нина представляла, как дети толпились в коридоре, издавая невообразимый шум. Они кричали, плакали, смеялись, кто-то ныл, другой скулил, третьи что-то бурно обсуждали, самые смелые, кажется, дрались.

Когда в проеме нарисовалась незнакомая женщина в белом халате, фигурой походившая на ту, что привела Нину сюда ночью, сердце девочки забилось еще чаще. Вид санитарки с

полуседым пучком на затылке выражал гнев, от которого Нина вжалась в кровать и замерла, уставившись на грозную женщину, и не смея моргнуть.

– Тебе что, персональное приглашение нужно? – прорычала она, – вставай, говорю!

Ноги Нины онемели, тело свело в такой ступор, что она едва могла сделать вдох. Столько ярости исходило от этой жуткой женщины в белом!

– Не напирай! Она – новенькая! Вчера привезли! – крикнул кто-то из коридора.

– А-а-а, – промычала она, – ну, тогда идем! Добро пожаловать, что ли...

Женщина подошла к Нине и буквально одной рукой вытащила ту из кровати и поставила на ноги. Толстая жесткая рука грубо вытолкнула Нину в коридор, а потом схватила за запястье так сильно, что оно заныло. Женщина провела Нину через коридор, они завернули за угол. Наконец, Нина увидела источники гама. Около трех десятков детей примерно одного с ней возраста стояли длинной шеренгой вдоль стены. Нина не успела заметить, как сама стала частью этой шеренги. Она с ужасом смотрела на орущих вокруг сверстников и не могла поверить, что все происходило на самом деле. Мальчик перед ней беспрестанно водил руками из стороны в сторону, словно невидимый кукловод дергал за ниточки марионетки. Девочка позади Нины ковыряла в носу и раскачивалась, как неваляшка, напевая какую-то песню. Еще два мальчугана затеяли драку прямо возле Нины, благо, их тут же разняла все та же тучная женщина. И все это время со всех сторон доносился непрекращающийся плач и всхлипывания.

Шеренга куда-то продвигалась, и вскоре обескураженная Нина увидела пункт назначения. Впереди в светлой комнате, обложенной потрескавшимся кафелем, рядом друг с другом стояли два унитаза. На один садились девочки, к другому подходили мальчики. Нужда справлялась прямо на виду живой очереди. После чего они переходили к стене напротив – к трем умывальникам. Толпясь вокруг одного по двое, а то и по трое, дети чистили зубы. И этот конвейер работал под неусыпным контролем одной из тучных женщин в белом.

– Арина, не балуйся водой! Антон, перестань мазать всех пастой! Степан, я сейчас выпорю тебя! – то и дело кричала санитарка.

Нина с ужасом осознала, что ее очередь к унитазу уже почти настала. Девочка, стоявшая перед ней, подошла к унитазу, с отрешенным видом сняла трусики и села, умудрившись даже хорошо прозеваться, справляя нужду. Нина удивленно смотрела на трех мальчиков, столпившихся возле унитаза, они умудрялись даже играть в перестрелку со струями друг друга. И вот зевающая девочка все также безропотно встала, надела трусики, нечаянно заправив в них платье, и предоставила унитаз следующему. Но Нина не смогла сделать ни шагу. Ее потрясение достигло апогея.

– Эй! Чего застряла? – буркнул кто-то сзади и даже слегка толкнул Нину, но та едва обратила внимание на недовольство.

Зато застой был замечен одной из санитарок, которая краем ястребиного глаза увидела нарушение непрерывного потока. Она грозно прошагала к Нине, расталкивая ребяtnю, и дернула ту за локоть.

– Давай скорей! Ты всех задерживаешь! – зарычала женщина.

В этот момент на Нину напал первый в ее жизни ступор. Сознание провалилось в темноту, глаза закатились, жевательная мускулатура намертво сомкнула челюсти, шея напряглась и неестественно выгнулась, руки скрючились возле груди. Когда напряжение дошло до спины и ног, Нина уже отключилась. Если бы не толстые руки санитарки, Нина бы шмякнулась на пол, точно срубленное дерево. Но опытная женщина успела подхватить девочку и мягко уложить на холодный кафельный пол.

– Зара! Зови врача! – крикнула женщина.

Тело Нины забилося в судороге. Санитарка аккуратно подняла девочку и отнесла в комнату.

В то время Ян Калев работал в лечебнице штатным психиатром. Именно он пришел на зов обеспокоенных санитарок младшего блока. Он осмотрел девочку. Ввел миорелаксирующий препарат, тело Нины полностью расслабилось, и она впала в глубокий сон. Был сделан вывод, что причиной ступора явился стресс от мгновенного введения Нины в общество. Калев вычитал из истории болезни, что девочка едва разговаривала, была замкнутой, на контакт с людьми шла с трудом и воспитательные учреждения не посещала. Ее форма шизофрении предполагала постепенную социальную адаптацию.

– Она просто не знает, что такое социум, – говорил Калев, – ее пугают люди.

Калев повелел оставить Нину в покое до тех пор, пока она сама не проявит желание выйти из палаты. А пока ее необходимо водить в туалет в индивидуальном порядке и приносить еду в палату. Начать общение, как он предсказывал, Нина начнет со своей соседки.

– Аделаида – неагрессивная девочка, – рассуждал Калев, – ее лунатизм не опасен, а потому они не доставят друг другу много хлопот.

Разумеется, санитарки Зара и Дания были недовольны индивидуальным обслуживанием девочки. Ладно, водить в туалет, но приносить еду из столовой, извольте! Они – не служанки! Но, как бы то ни было, предписания врача следовало выполнять неукоснительно.

И когда Нина очнулась, ее ждал новый мир.

Толстые руки грубо хватали за локоть и больно сжимали запястье, ведя в туалет, где трясушаяся от страха и холода девочка пыталась справить нужду под присмотром огромной женщины в белом, от которой пахло раздражением и злобой. Подносы с едой громко стучали о стол, выражая явное недовольство санитарок установленными правилами «для принцессы», а когда в тарелках оставались недоеденные супы и котлеты, эти тучные фурии бросали озлобленные комментарии в адрес девочки.

Здесь не было любви для Нины. Здесь царствовали безразличие, раздражение и открытая злоба.

Ночами напролет Нина выплакивала глаза, также беззвучно, как она это всегда умела.

– Мапочка, где же ты? – шептал ребенок, – мамочка, пожалуйста, приди.

Слезы лились нескончаемым потоком из серебристых глаз, маленький опухший носик краснел от всхлипов, тело девочки сотрясалось от немых рыданий. И уже под утро истощенная слезами Нина, засыпала на мокрой подушке с молитвой на устах: «Мамочка, пожалуйста, вернись...»

Но дни безостановочно сменяли друг друга, а для Нины не менялось ничего. Нескончаемый шум и крики в коридорах, грубые хватания за плечи, огрызания фурий, стук тарелок. Единственным светлым лучиком в этом бесконечном аду были визиты медсестры. От молодой девушки всегда пахло фруктами, травами, цветами. Приятные ароматы тотчас же возвращали Нину домой. Она представляла, какой бы сегодня был запах дня, кого бы она в этот вечер взяла «на небушко».

– Ванильный... сегодня был бы ванильный день, – шептала себе под нос Нина и вспоминала, как они с мамой вычищали из стручков ванили черные зернышки.

Пока Нина витала где-то в облаках, медсестра давала ей таблетки, ласково просила запить их водой, потом гладила девочку по голове и уходила. Это были единственные приятные и недолгие моменты, которые Нина ждала каждый день.

После визита медсестры, в палаты возвращались дети с обеда, принося с собой привычный грохот.

– Если ты тронешь мои карандаши, я тебя убью, – злобно сказала однажды Аделаида, заметив, что Нина не спит во время тихого часа. Потом, пнув тапочки Нины так, что те разлетелись по разным углам, плюхнулась на кровать и по обыкновению отвернулась к стенке.

Нина и не думала прикасаться к карандашам Аделаиды. Она очень боялась эту толстую девочку. Та верно подметила интерес Нины, которая то и дело бросала взгляды на наборы для

рисования на столе. Нине очень хотелось рисовать, но у нее не было ее собственных карандашей и красок. У нее, вообще, ничего не было. Даже одежда была не ее. Она получила ее еще в детской больнице, где оказалась после того кровавого вечера.

Тихий час тянулся бесконечно. Нина занимала себя тем, что вспоминала стишки, которые они разучивали с мамой.

– Поросенок, поросенок,

только вылез из пеленок.

Тут же, свинка, грязь нашел,

Мимо лужи не прошел, – рассказывали они, пока Нина купалась в пенящейся ванне.

– Приходите к нам, барашки,

Мы расчешем вам кудряшки.

Нет спасибо, бе—бе—бе,

Расчешите их себе, – проговаривала Нина, а мама расчесывала мягкие волнистые волосы дочери.

После тихого часа детей уводили на полдник, а потом на прогулку, и Нина вновь оставалась одна. Лишь Дания изредка заглядывала в палату, чтобы проверить девочку. Но тишина длилась недолго. После вечернего подноса с кашей кошмар возвращался. Знакомые крики вонзались в голову как гвозди – дети возвращались с ужина. Еще долго Нина слушала раздражающий плач, громкий смех, меланж из рева и ссор где-то на этаже. А потом на улице темнело, и дети разбредались по палатам. Время – ложиться спать.

И так повторялось день за днем, счет которых Нина перестала вести после восьми. Нина продолжала ждать маму. Она не выходила из палаты, кроме как в туалет, потому что боялась, что если мама придет, то не сможет найти ее посреди толпы детей. А мама придет! Обязательно придет! И отведет домой, где ее ждет папа, и все станет как прежде. Ведь тот старик сказал, что она побудет здесь немного. Наверное, мама заболела, но скоро она выздоровеет и обязательно придет. Ведь врач сказал, немного...

Время шло, мама не появлялась.

Через три недели пребывания Нины в лечебнице настал неизбежный момент. Три недели. Всех двухлетних беспрестанных и упорных усилий Лили в борьбе с шизофренией хватило на три недели. Это должно было случиться, ведь болезнь никуда не исчезала, а таблетки, что давали ребенку, были абсолютно бесполезны. Нина отчетливо помнит ночь, когда ушел обманчивый туман из головы, и она, наконец, поняла, даже скорее приняла суровую правду.

В ночной темноте она, как всегда изводимая бессонницей, сидела на кровати и старалась разглядеть пуговицы на пижаме, как вдруг, снова услышала знакомые до боли голоса.

«Мы здесь. Мы всегда были здесь. Мы всегда будем здесь. Мы все, что у тебя есть. Мы – твои единственные друзья. Ты наша, Нина. Слушай нас, Нина. Бойся нас, Нина. Мы здесь».

Эти мерзкие, но в то же время родные голоса, перебивая друг друга, говорили с ней. Слеза скатилась со щеки, потом другая, потом еще одна, и Нина снова тихо плакала. Они вернулись, значит, мамы нет.

Первое время Нина отчаянно боролась с ними придуманными мамой методами. Ее несколько раз находили на полу в туалете, где она закрывала уши и произносила одну лишь фразу:

– Монстры, уходите, оставьте малышку! Монстры, уходите, оставьте малышку!

Разумеется, об этом доложили врачам. В то время ее курировал некий доктор Полак, которого она ни разу не видела за все время пребывания в лечебнице. А когда ему сообщили о новом симптоме болезни Нины, он посетил ее лишь однажды. Бегло осмотрел, пролистал карту, создавая напыщенный вид, и выписал аминазин против неопределенного рода галлюцинаций. Он даже не стал уточнять, что именно она видела, сделав пометку в карте «Начата терапия нейролептиком». Терапия, которой не будет конца.

Так бы она и осталась забытой эгоистичным доктором Полаком, если бы не случился первый припадок. Девочка забилась в угол игровой комнаты с истошными воплями о том, что за ней охотится какое-то чудовище, и тем жутко испугав остальных детей, которые тоже стали бояться невидимого врага. Когда санитарки попытались схватить ее, Нина вцепилась пальцами в лицо одной из них, оставив той глубокие ссадины на память. Женщина завизжала не меньше припадочной и ухватила за лицо. Нина же выбралась из крепких объятий и стала носиться из угла в угол, подобно загнанному зверю. В бреду Нина не видела, куда бежит, и на полной скорости врезалась в стену. Потеряв равновесие, она неудачно упала, ударившись головой об угол стола, после чего в очередной раз впала в кататонический ступор. Серые, точно окаменевшие, глаза уставились в потолок, руки скрючились в защитном жесте, тело застыло. Девочку перенесли в медицинский блок, где на рентгене обнаружили трещину черепной коробки, томография подтвердила сотрясение мозга.

Неизвестно, что бы произошло с бедной девочкой дальше, если бы об этом не стало известно Яну Калеву. В тот день произошла крупная ссора между Калевом и Полаком, в ходе которой Ян обвинил Полака в наплевательском отношении к пациентам.

Когда Нина очнулась, и состояние девочки нормализовалось, Калев лично провел с ней беседу. Она честно рассказала этому милому светловолосому доктору о монстрах, как она их называла, о том, что они часто навещают ее в кошмарах, показывают страшные картинки, где всегда присутствует кровь. Она даже показала доктору, где сейчас сидит этот костлявый уродец – позади доктора почти рядом с ним, он должен был чувствовать его дыхание. Но Калев, естественно, не видел и не слышал монстра. Нина слезно клялась, что тогда, в игровой комнате, этот монстр пытался напасть на нее и содрать с нее кожу живьем. Он сам ей так сказал. А когда она попыталась убежать, то не видела ничего, потому что вокруг был непроглядный мрак.

Было ясно, что шизофрения обострилась. Нине прописали целый ряд препаратов и процедур. Как бы ни просил Калев, главврач поручил проведение приемов доктору Полаку, поскольку Нина – его пациентка изначально, и, по сути, обвинения в халатности Полака беспочвенны, ведь рецидив у больных случается часто. Полак начал проведение сеансов. И это было ошибкой, как уже, будучи главврачом, заключит Ян Калев.

Нина добросовестно выполняла все требования доктора. Она бесстрашно рассказывала ему о Монстрах, хотя те обещали убить ее, если она поведаст кому-либо о своем секрете.

Но со временем надежда Нины стала угасать, видя, что ее усилия – бесполезны. Врач лишь давал ей горькие пилюли, от которых постоянно тянуло спать. Но неужели он не слышит ее? Она боится спать! Монстры приходят в кошмарах, которые не под силу выдержать даже взрослым, и она не знает, как противостоять им во снах! Люди в халатах не помогали. Они не учили ее командовать Монстрами, они не учили ее не бояться Их, они не разговаривали с Монстрами через уши, как все это делала ее любимая мама. Все, что Нина слышала от них это то, что Монстры нереальны.

– Нина, я не вижу здесь монстра, – твердил ей Полак.

Но это же не значит, что Их нет!

Вскоре силы ребенка иссякли. Пятилетняя малышка не в силах разбить стену. Она не столько боролась с Монстрами, сколько – с упрямством врачей. Она выдохлась. Она потеряла интерес к борьбе. Она осталась одна. И она была больше не в силах доказывать существование

Монстров. Вдобавок, она бесконечно глубоко горевала по маме, папе. Она так хотела домой. Новый мир, в котором она была вынуждена жить, медленно убивал ее.

Через несколько месяцев тщетных попыток спастись от убийственного болота, Нина прекратила усилия и теперь постепенно тонула в нем. Нина осталась один на один с кошмаром, и Монстры поспешили завладеть истерзанной душой, которая уже вроде была и не против.

Окруженная чуждым ей миром, наполненным незнакомыми людьми, большая часть которых были злыми мрачными больными, Нина была настолько одинока и напугана, что Монстры перестали казаться ей лютыми врагами и стали единственными знакомыми, даже родными существами, принесенными ею из той прошлой жизни, в которой она была бесконечно счастлива.

Она впустила Их в себя. Позволила Им разгуливать вокруг. Позволила шептать. Каждый раз Они назывались разными именами: Боль, Отчаяние, Ужас, Гнев, Ненависть, Насилие, Одиночество, Плач... Эти странные слова Нина никогда не слышала в своей жизни, но Монстры с удовольствием показывали ей картины своих имен, чтобы девочка поняла их значение. И какие бы мерзости Они ей ни показывали, она не претила Им, ведь теперь она была не одинока.

Бессилие девочки Полак воспринял, как положительную динамику, и уже кичился ее скорым выздоровлением. Нина больше не говорила о Монстрах.

– Ты видишь монстра сейчас? – спросил Полак.

Серебристые глаза неотрывно смотрели под кресло, на котором сидел врач. Монстр неестественно скрючился под ним, словно все его кости были раздроблены, окровавленный оскал бурлил слюной.

– Нет, – едва слышно произнесла Нина, – его здесь нет...

Как только Нина сказала то, что от нее хотели услышать, ее оставили в долгожданном покое. Больше никаких болезненных уколов, количество таблеток резко сократилось, а главное не было больше надобности в изнурительных спорах с врачами, которые настойчиво стояли на своем и, в итоге, так и не слышали ее зов о помощи.

Вскоре подавленная, заторможенная от множества лекарств, измученная процедурами и болтовней Нина вновь оказалась в своей палате. Ее не было здесь несколько месяцев, разумеется, она не понимала сколько. Вид узкой кровати, заправленной шерстяным колючим одеялом, казался таким родным. Она устало прилегла и впервые испытала удовольствие от прикосновения грубой шерсти. Привычный детский шум в коридорах уже не был таким раздражающим, а скорее привычным и убаюкивающим. Она даже соскучилась по нему. Она заснула под истеричные рыдания детей, словно под колыбельную.

В первую ночь после возвращения Нина по привычке не спала. Монстры неподвижно сидели с ней в комнате и изредка показывали картины из ее же кошмаров, напоминая, что Они все еще здесь. Она заново переживала разговоры с Полаком. Спустя время воспоминания исказились, и теперь казалось, что он насмехается над ней. Дико ныли исколотые ягодицы, плечи, вены. Уколы, капельницы: сколько было боли! И ради чего это все?

Глупцы! Идиоты! Это их надо лечить, а не ее!

Обида все больше наполняла сердце Нины злобой. Она открылась им, она молилась им. Этим бездушным и тупым людям в халатах, гордо называющих себя «доктора». Чушь! Они только измучили ее тело. И снова перед глазами возникла насмешливая улыбка Полака. Обида полностью превратилась в один большой комок злости. Да еще эти картинки! Эти надоедливые картинки! Они мелькают одна за другой и никак не остановятся! Молодой чернокожий парень вешается, рыжеволосая девушка режет себе вены в ванной, Мика стреляет в голову отца. И вновь улыбка Полака...

И вдруг возникла неожиданная идея.

«Хочу увидеть здесь, воочию», – пронеслась мысль в голове.

Это было похоже на внезапный порыв. Появившееся из ниоткуда острое желание. Неизвестно, откуда оно взялось, в каких безднах подсознания родилось. Мимолетная мысль вдруг задела внутри что-то, потревожила, разбудила, оно едва ощутимо затрепетало где-то в глубине, но от этой толики трепета стало необъяснимо приятно. Нина улыбнулась. И почему эта мысль не приходила к ней раньше?

Кажется, Монстр на окне приподнял голову, точно прислушиваясь...

В следующую секунду Нина уже сама вспоминала жестокие картины без Их помощи. Она перебирала все ужасы, которые эти твари показывали ей, и неведомый внутренний трепет заставил Нину выбрать одну из них. Она хотела увидеть кровь, почувствовать ее запах, попробовать на вкус.

Монстр возле нее жадно облизнулся.

Взгляд серых глаз упал на соседку, мирно посапывающую в кровати. За все то время, что они пробыли вместе в палате, они ни разу не перекинулись даже парой слов, кроме как угроз в адрес Нины. А по возвращении Нина узнала, что Аделаида распространила среди детей прозвище для Нины – «Уродка». А сегодня Аделаида, будто ненароком, даже толкнула Нину так, что та больно приземлилась на пол. Кроме того, толстуха забралась на кровать Нины и прыгала на ее постельном белье и подушке в грязных резиновых сапогах, выкрикивая прозвище Нины на весь этаж, пока санитарка ее не уgomонила. Детская жестокость, особенно в раннем возрасте, становится опасной, если не контролировать садистские желания ребенка. Не получив желаемую реакцию от неподвижно наблюдающей за ней Нины, девочка толкнула Нину на кровать и повторила любимую угрозу:

– Тронешь мои карандаши, убью!

Странная идея, внезапно посетившая Нину этой ночью, заставила вспомнить каждую пакость, каждую гадость, что сделала эта мерзкая девчонка. И в следующую секунду воображение Нины сделало Аделаиду героиней одной из навязчивых картин. Нина представляла, как эта наглая девчонка лежит в луже собственной крови. Сначала Нина испугалась своих мыслей, но вскоре осознала, что эта сцена доставляла ей необъяснимое наслаждение. Ее охватили двойкие чувства. С одной стороны, Нина понимала, что это плохо – так учила ее мама, но с другой стороны, эта девчонка обидела ее, и ее следует наказать. Монстры обещали, что ей понравится наблюдать за мучениями, смотреть, как кто-то корчится от боли, надрывается в бесполезных усилиях избавиться от пытки. Губы Нины растянулись в улыбке. Да, ей определенно понравится.

«Проснись!» – мысленно скомандовала Нина.

Аделаида зашевелилась и медленно села в кровати, подчинившись неведомой силе. Она по-прежнему безмятежно спала. Краем уха Нина слышала, как Монстр оказался рядом с ней. Она чувствовала его зловонное дыхание, слышала, как во рту пузырились слюны. Его морда почти касалась щеки Нины. Губы не шевелились, но он заговорил с ней.

«Сделай ей больно. Она заслужила...»

«Она противна. Она отвратительна...» – вторили другие Монстры, спрятавшиеся в голове.

«Поделом ей. Сделай ей больно. Пусть страдает. Пусть истечет кровью...»

«Отомсти. За все, что она сделала. Отомсти. Пролей кровь...»

Голоса перебивали друг друга, они жаждали крови.

Ледяное дыхание на плече. Запах разлагающегося тела. Звуки булькающей слюны.

Нина посмотрела на стол, где были разбросаны любимые карандаши Аделаиды.

«Сейчас ты ими подавишься», – пронеслась мысль.

Монстры свирепели с каждой секундой. В следующий момент соседка встала с кровати, подошла к столу и взяла карандаш. Серебристые глаза не отрывались от нее. Карандаш медленно приближался к горлу. Рычание Монстров становилось все неистовее, Они трепетали,

Они упивались назревающей победой. И вот кончик карандаша уже дотронулся до складок на шее.

Резкая мысль выдернула Нину из транса. Далекое воспоминание из жизни, потерянной навсегда.

– Так делать нельзя! – объясняла мама, вытаскивая из детского кулачка острый осколок бутылки.

Нина непонимающе смотрела на маму. Котенок, прижатый рукой Нины к земле, продолжал жалобно мяукать. Мама подняла его, он уместился целиком на взрослой ладони.

– Посмотри, ведь он живой, – мама поднесла котенка к лицу дочки, – он такой же, как ты. У него есть свои мама и папа. Ты не можешь отнять у него жизнь, лишь потому, что ты так захотела. Ты – большая, а он – маленький. У тебя есть силы, а у него – нет. Это нечестно. Посмотри, какой он беззащитный!

Нина погладила серую мордашку.

– Ты должна защищать его. Он ничего плохого тебе не сделал.

Видение исчезло. Нина сидела неподвижно. В глазах проступили слезы. Монстры недовольно фыркали и рычали, а спящая соседка все также неподвижно стояла с карандашом в руке в ожидании приказа.

В разуме Нины снова шла ожесточенная борьба. Так где же правда? Почему ее так сложно определить? К сожалению, детский организм редко, когда может противостоять соблазну. Конфета, которую запрещено брать, все равно исчезнет со стола, едва ты отвернешься. В голове ребенка еще не основательно закрепились понятия хорошо – плохо, можно – нельзя. Нина словно шагала по узкой тропинке на краю пропасти, едва сохраняя равновесие.

«Это нечестно», – думала Нина, – «у меня есть силы, а у нее – нет».

Озлобленные морды снова злобно зарычали.

«Она обижает тебя. Это нечестно», – зашипел Монстр прямо в ухо.

«Она – большая. Ты – маленькая», – вторили другие.

«Она сделала тебе плохо. Сделай плохо ей».

«За ней скоро придет мама. А за тобой – уже нет. Они отобрали ее у тебя»

Сердце Нины замерло.

– Они отобрали ее у меня, – прошептали детские губы, – отобрали... отобрали...

Рука начала движение. Медленно, но верно девочка вонзала острие карандаша точно в артерию, прокручивая его, пока оно не вылезло из обратной стороны шеи. Ни звука, ни крика, ни стога. Спящая Аделаида, словно не чувствовала, как убивает себя. Кровь заструилась по рукам, пижаме и неспешно стекала на пол. Через несколько минут девочка пошатнулась и также беззвучно упала между кроватями.

Нина неподвижно сидела, обхватив колени, и прислушиваясь к чарующим звукам.

Тук-тук, тук-тук – с каждой секундой сердцебиение Аделаиды замедлялось. В памяти возникли образы. Мама сидит перед ней. Широкая улыбка женщины излучает бесконечную доброту.

Тук-тук. Полак в кресле делает записи в блокноте.

Тук-тук. Яркие желтые звезды на потолке ее спальни в родном доме.

Тук-тук. Окровавленный карандаш в руках Аделаиды.

Тук-тук. Мама танцует с Ниной в гостиной, подражая балерине из телевизора.

Тук. Иголка от капельницы в ноющем посиневшем от проколов локте.

Тук. Котенок прижат к земле.

Тук. Трупы родителей в луже крови.

Тук. Котенок пищит под ладонью.

Тук. Полак смеется.

Тук. Острие стекла вонзается в горло котенка, кровь бьет фонтаном...

Тьма.

Тишина.

Все стихло. Образы исчезли, как и Монстры, насытившиеся победой. Нина едва слышала, как где-то далеко отсюда эти бледные чудища радуются подвигом своей хозяйки. В комнате слышалось лишь одно дыхание, одно сердцебиение. И это было потрясающе.

Нина взглянула на пол. Грудь под окровавленной пижамой не вздымалась, палату наполнил металлический запах свежей крови. Он так понравился Нине, что она даже чуть нагнулась к мертвому телу, чтобы насладиться ароматом. Потом она спокойно залезла под одеяло и уснула крепким сном.

О произошедшем узнали только утром. Дания по обыкновению совершала обход по этажу, громогласно объявляя о наступлении утра. Когда она вошла в десятую палату, она не сразу поняла то, что увидела. В узкой комнате между кроватями лежала пухлая девочка. Весь пол был залит кровью, багровая лужа затекла под кровати. Кровь уже застыла на пижаме, и теперь желтые цветы соседствовали с коричневой коркой засохшей крови.

– Господи Иисусе! – воскликнула бедная женщина. Она подбежала к Аделаиде. Трех секунд было достаточно, чтобы понять, что девочка мертва, причем уже давно.

– Зара! – позвала Дания. В растерянности она никак не могла решить, что ей следует делать: оставить все, как есть или уложить бедняжку на кровать, бежать за помощью или оставаться рядом с трупом. Тут взгляд Дании упал на только что проснувшуюся Нину. Сонные глаза смотрели поочередно то на Данию, то на труп.

– Нина, кто это сделал? – кричала Дания в панике.

Но Нина ничего не ответила и продолжала лежа наблюдать за женщиной.

Вскоре появилась вторая санитарка. Едва она вошла в палату, как тут же с криками побежала за помощью.

Нешуточная суматоха поднялась вокруг драматического события. Как бы ни хотели врачи, но пришлось вызвать полицию. Допрашивали всех: врачей, санитаров, вменяемых детей, и, разумеется, Нину, которая лишь мотала головой и делала вид, что не понимает, чего от нее хотят.

Это были тяжелые дни для лечебницы, пока не пришли результаты расследования. Отпечатки пальцев на карандаше принадлежали Аделаиде, более того, экспертиза показала, что в момент попадания крови на карандаш, его сжимала рука Аделаиды. Вкупе с историей болезни девочки, страдающей от острой формы лунатизма, это было неопровержимыми доказательствами трагичного самоубийства. Дело было закрыто.

Но даже такое заключение не облегчило участь врачей лечебницы. Пришлось проводить многочисленные собрания и убеждать испуганных родителей в том, что в округе нет маньяков и убийц. На заседаниях медицинской комиссии, где присутствовали представители спонсирующих организаций, врачи в лепешку расшибались, чтобы доказать правильность выбранного лечения для пациентки. Как бы то ни было, репутация лечебницы была подорвана, и, прежде всего, репутация лечащего врача девочки, который не смог во время разглядеть тревожные симптомы, приведшие к несчастью. Количество детей в лечебнице сократилось.

Со всей этой суматохой про Нину все забыли. Кроме Яна Калева. Он искренне жалел девочку. Она вновь стала свидетелем смерти. Это определенно скажется на ее состоянии. Он каждый раз при виде Нины, мысленно жалел девочку:

«Бедная кроха, что же судьба так безжалостна к тебе?»

Доктор Полак, естественно, даже не навещал Нину.

Калев же, напротив, стал частым визитером первого отделения, посещая корпус под любым предлогом, лишь бы иметь возможность хотя бы глазком взглянуть на Нину и убедиться, что с ней все хорошо. Сердце доктора переполнялось тревогой за нее. Каждый раз, когда он видел ее, девочка с отрешенным видом сидела вдали ото всех. Но теперь она хотя бы

могла находиться в одном помещении с другими детьми, пусть даже в одиночестве, это уже прогресс, благодаря лекарствам ли, Полаку – уже неважно.

Калев добился того, чтобы санитарки перевели Нину в другую отдельную палату, которая не напоминала бы о несчастье. Разумеется, санитарки были недовольны оказанной ребенку честью, ведь теперь им придется убирать на одну палату больше. Но, как и прежде, они покорно, хоть и недовольно, выполняли требование врача.

Уже через пару месяцев о трагедии почти забыли. И неудивительно, учитывая, сколько усилий было приложено к тому, чтобы приписать этот эпизод к несчастным случаям. Жизнь в лечебнице шла своим чередом. Работы убавилось, ввиду того, что некоторые родители все-таки не возжелали доверить своих чад в руки некомпетентных докторов, несмотря на то, что медицинская комиссия не выявила нарушения в работе персонала относительно погибшей пациентки.

Нина много размышляла о произошедшем. Монстры подсказывали ей, что о том, что случилось, надо молчать. Это стало их совместным секретом. Нина была достаточно умна, чтобы сообразить, что то, что она умеет, не умеет никто другой. Почему-то это не стало внезапным открытием для нее. Где-то глубоко внутри она всегда знала, что особенная, и то, что она разбудила в ту ночь, то, что так давно хотели открыть в ней Монстры, далеко не хорошее качество, а скорее наоборот.

Девочка продолжала сходить с ума от хаоса, что захватывал все больше места в ее голове. Мама в воспоминаниях все настойчивее твердила, что так делать нельзя, это плохо! Ты отбьешь жизни! Это зло! А Монстры наперебой твердили ей, как же здорово иметь отдельную палату и цветные карандаши.

«Мы здесь. Мы с тобой. Ты наша, Нина», – шептали голоса.

«Мы покажем тебе. Ты узнаешь. Смотри», – перед глазами вновь возник образ окровавленного трупа. Она их видела десятками на дне. Она не знала, кто эти люди, где они сейчас, она просто тихо наблюдала, как за ними приходила смерть.

«Смотри, Нина. Дотронься, Нина. Ты – наша. Мы здесь», – продолжал шепот.

«Твоя сила. Мы покажем тебе. Мы научим тебя. Мы с тобой...»

Резкая боль пронзила локоть. Нину внезапно выдернули из транса. Девочка не сразу сообразила, где она находится и кто вторгся в ее дрем. Взгляд серых глаз вяло скользнул по лицу вторженца.

– Вставай, говорю! – прорычала Дания.

Санитарка по обыкновению резко дернула Нину за локоть и вытащила ту с кровати. Синяки на локтях от этих резких и грубых хваток уже не сходили. Женщина повела Нину в туалет. И хотя Нина постепенно адаптировалась к людским сборищам, предписания доктора по-прежнему велели сопровождать девочку в туалет отдельно ото всех.

Они шли по пустому коридору – дети ушли на завтрак. Дания все также кряхтела и рывкала на Нину, бубня себе под нос:

– Сколько можно тебе чести оказывать?! Который месяц уже здесь и все не можешь привыкнуть!

Нина едва слышала санитарку. С тех пор, как ей стали давать таблетки, голова стала боксерской грушей, не реагирующей на удары. Нина туго соображала, приткось и быстрота ума исчезли, реакции стали заторможенными. Ей требовалось время, чтобы понять, что у нее спрашивают, а чтобы ответить – так еще больше.

Снова резко дернули за локоть.

– Давай скорей! – рывкнула Дания, – у меня и без тебя забот хватает!

Перед глазами стоял унитаз. отвратительный запах ударил в нос, заставляя представить сколько девочек садились сюда до нее. Мысли снова увели сознание от реальности. Нина представляла утреннюю и вечернюю шеренги детей, тянущиеся от противоположного конца коридора.

дора. Непрерывный поток орущих и ревущих сверстников, теряющийся в обшарпанной холодной уборной, где огромная черноволосая фурия с орлиными глазами следила за пациентами, точно надсмотрщик.

– Ты что, оглохла?! – мощная рука опять дернула за локоть.

Внезапный резкий гнев кольнул внутри, словно иголка вонзилась в грудь.

– Богоборная потаскуха! – прошипел детский голос.

Дания опешила. Она отчетливо услышала каждое слово, и это заставило ее застыть на месте. Глаза женщины становились все шире, по мере того, как она осознавала услышанное.

– Что ты сказала? – голос Дании едва дрогнул.

Нина не ответила. Девочка смотрела в упор на женщину, и ее лицо не выражало ни единой эмоции.

Через несколько секунд Дания, наконец, заставила себя выйти из оцепенения, упрекнув за проявленный момент слабости. Она воспрянула духом и приготовилась снова рыкать на девочку. Но Нина словно почувствовала разгорающиеся силы в женщине и снова окатила их ледяной водой.

– Богохульная мерзавка!

Дания снова застыла. Кажется, что реакция ее вполне нормальная, ведь слышать такие слова от пятилетнего ребенка, который месяцами хранит молчание, было более чем ошеломляющим. Но не по этой причине Дания потеряла самообладание. Эти слова... Почему девочка произнесла именно их? Совпадение ли? Случайность? Господи, тогда что за пугающая случайность? А серебристые глаза продолжали сверлить растерявшуюся санитарку пристальным взглядом. Дания была готова поклясться, что видит в детских глазах адский огонь.

– Как ты смеешь так говорить со мной... – голос женщины едва был слышен, она даже не заметила, что вопрос прозвучал не как вопрос, а как некое опасение.

– Сидит она на звере багряном, преисполненном именами богохульными... – голос Нины был ровным, стеклянным, словно она была не человеком, а подобием бездушной куклы, – и держит она золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия её, – продолжала Нина.

Дания в ужасе отшатнулась. На морщинистом лбу проступили капли пота, дыхание участилось, а стуки сердца были такими громкими, что казалось, их слышно в коридоре.

– Господи Иисусе, – шептала женщина, – Господь просвящение мое и Спаситель мой...

Нина улыбнулась. Она почувствовала страх женщины, как если бы он был физически ощутим. И ужас, в котором пребывала сейчас женщина, доставлял неопишуемое удовольствие.

– Кто глуп, обратись сюда! – продолжала Нина, голос ее становился все громче и увереннее, – и скудоумному сказала она: "воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен".

Маленькая девочка бесстрашно ступала к женщине, которая продолжала пятиться, пока не уперлась в стену.

– И он не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею! – лепетал детский голосок.

– Дьявол... – шептала обезумевшая санитарка, – изыди... изыди Сатана...

– Последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый! Ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней...

Дания сползла по стенке и уже сидела на полу, когда Нина приблизилась к ней так, что могла дотянуться до нее рукой.

– Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него, – шептала Дания, слезы катились по ее щекам.

Наконец, Нина замолкла. Она смотрела на запуганную заплаканную женщину, но та не вызывала у нее ничего, кроме отвращения. Синяки на локтях заныли, напоминая о причине их появления. Нина наклонилась к Дании. Она чувствовала тяжелый запах губной помады, кото-

рый так раздражал ее. Серебристые глаза смотрели в заплаканные глаза санитарки, в которых читался безумный страх.

Детский голос прошептал:

– Ну что, плечевая, скольких обошла сегодня?

Это было последней каплей. Дания выбежала из туалета, крича во все уста:

– Дьволица! Сатанинская приспешница!

Нина проводила женщину взглядом, пока та не скрылась за поворотом, потом заперла дверь и, как ни в чем ни бывало, начала утренний туалет. Как же было здорово, когда никто не стоял над душой и не следил за каждым движением. Никто не бросал в ее адрес недовольных высказываний о том, как долго она чистит зубы. Она могла сидеть на унитазе столько, сколько ей было нужно. Она была одна. Никто ею не командовал. Как же это здорово!

А тем самым временем рыдающая взхлеб Дания рассказывала медсестре какую-то непонятную историю о том, что дьявол вселился в одну из пациенток.

– Клянусь Вам! Она одержима! – рыдала Дания. – Она говорила то, что не могла знать!

– Прошу Вас, дорогая, – успокаивала медсестра, – многие дети растут в религиозных семьях, они наизусть знают строки из Библии.

– Нет, нет! Вы не понимаете! – спорила санитарка. – Она говорила то, что не могла знать! Она не могла этого знать! – повторяла Дания.

– Дания, я понимаю, очень странно, что ребенок цитирует тексты про блуд, но откуда нам знать, какими были ее родители?

Но Дания была безутешна, она не могла донести до медсестры смысл своих слов. Она не могла выдать свою тайну, которую хранила вот уже тридцать лет. Как бы она смогла рассказать работнику лечебницы, что долгое время работала проституткой в частном заведении далекого отсюда города? Да какая организация захочет иметь дело с человеком такой репутации? Пусть даже это было в далекой молодости, и с тех пор прошло немало времени, репутация человека становится запятнанной на всю жизнь. Потому Дания могла только рыдать на плече медсестры, толком не объяснив свои страхи.

Но то было не единственным пугающим фактом в произошедшем. Слова Нины... то, что она говорила... ведь эти же строки давным-давно повторяла изо дня в день мать Дании – глубоко религиозная женщина, страдающая истерическим расстройством личности. Зная, чем зарабатывала им на жизнь Дания, она каждый день изводила дочь упреками, обвинениями, угрозами сдать дочь в полицию, а в очередном припадке цитировала строки из Библии и предсказывала грядущее наказание божье за блуд Дании. Те самые строки, которые сегодня произносила Нина.

– Ну что, плечевая, скольких обошла за сегодня? – так встречала ее мать, когда Дания возвращалась домой под утро.

Мать уже двадцать пять лет, как скончалась, но, разумеется, этот жизненный эпизод оставил отпечаток на всю последующую жизнь Дании, которая в скором времени после кончины матери переехала в другой город, поступила на медицинские курсы для санитаров и начала новую жизнь здесь в лечебнице, стараясь забыть и скрыть неприличный факт из биографии.

Как бы ни успокаивала ее медсестра, какие бы аргументы она ни приводила, Дания была уверена – Нина одержима бесом. Иначе как, как она могла узнать о ее прошлом образе жизни? О, это не совпадение, девчонка определенно знала. Богоборная потаскуха – так ее называла только мать. Богохульная мерзавка... в памяти резко возник образ матери, сидящей в кресле, укутанной в клетчатый плед. Нина не просто так произносила эти речи, которые Дания уже давным-давно выучила наизусть, слушая их каждый день из уст больной женщины. Нина словно знала, за какие ниточки дергать, чтобы пошатнуть самообладание санитарки. В серебристых дьявольских глазах читалась усмешка. Она нашла опухоль внутри ее души и надавила на нее так, что теперь та стала ныть и кровоточить.

Чтобы поддержать обезумевшую женщину, подбодрить ее и доказать, что Нина – это всего лишь ребенок, медсестра пошла с Данией. В туалете никого не было. Женщины заглянули в палату. Нина сидела на кровати, как ни в чем не бывало, и ждала, когда появится Дания, чтобы отвести ее на детскую площадку. С недавних пор Нина начала гулять под присмотром санитарки, и девочке очень нравилось находиться на свежем воздухе. Она ни за что не пропустит прогулку. Серые глаза малышки как никогда шире раскрывали невинность детской души. Нина слезла с кровати, стянула со стула шерстяной кардиган, который тайком вытащила из чемодана Аделаиды после ее смерти, и подошла к женщинам, показывая всем своим видом, что она готова идти гулять.

Разумеется, медсестра ничего не могла более сделать. Она увидела ребенка, вполне здорового, без обострений симптомов, без отклонений в поведении. Медсестра похлопала Данию по плечу в попытке подбодрить и спешно удалилась.

Дания же с опаской поглядывала на Нину, не видя в ней ничего, кроме обманчивого беса. Нина протянула руку Дании, и той ничего не оставалось делать, как взять девочку за руку и отвести на улицу.

С тех пор санитарка стала обращаться с Ниной более ласково, терпеливее. Дания перестала грубо хватать девочку, она, вообще, старалась ее не трогать, если только Нина сама того не желала. Она осторожно спрашивала, хочет ли та погулять, хочет ли идти в игровую. Дания оставляла Нину одну в уборной и покорно ждала, пока та закончит туалет. Она уже не ворчала каждый раз, принося поднос с едой, и старалась поставить его как можно тише, лишь бы Нина не заметила ее. Страх перед Ниной смело использовал воображение бедной женщины, уверенной, что одержимая дьяволом девочка видела Данию насквозь. Поэтому, в присутствии Нины женщина старалась изо всех сил не допускать даже мелкой грубой мысли, ведь бесовка определенно умеет их читать.

– Она обманывает всех, – бубнила Дания, наблюдая через стекло двери за тем, как Нина в игровой рисовала за столом в стороне от остальных детей.

Зара обеспокоенно взглянула на Данию. Она уже восемь лет работала с этой женщиной и была уверена, что Дания – абсолютно нормальная, адекватная женщина с сильным характером. Теперь же при виде испуганной Дании, Зара и не знала, что думать обо всей этой ситуации. Следует ли доложить медсестрам? В практике было много случаев, когда доктора психиатрических лечебниц сами становились пациентами. Неужели этот случай из их ряда? Но из чувства солидарности к пенсионерке Зара так и не осмелилась рассказать кому-либо о нелепом страхе Дании перед маленькой девочкой. Зара и сама через год выйдет на пенсию, а с теми крохами-подачками от государства, что она будет получать, можно только выживать, и потому терять работу не хотелось никому.

Дания вошла в палату после обеда. Нина старалась над очередным рисунком. Поднос стоял в стороне, Нина едва похлебала суп, зато съела целое яблоко. Дания протянула руки к подносу, взгляд женщины упал на рисунок Нины. Девочка возила зеленым карандашом по альбомному листу, закрашивая траву, на которой лежал человек. Но что это? Похоже, девочка нарисовала, как кровь сочится и его грудины, заливая цветную лужайку, а над ним возвышался другой человек, в руках которого определенно мясницкий тесак. И вдруг Данию осенило. Сколько подобных рисунков, выходящих из-под карандашей Нины, она складывала в ящик стола? Их там набралось уже сотни! Дания едва обращала внимание на сюжеты, но теперь вдруг вспомнила, что Нина только и делает, что рисует мертвых людей! Как же она не додумалась раньше?!

– Аделаила... Это сделала ты... – тихо произнесла санитарка и тут же осеклась.

Карандаш остановился. Дания замерла. Они были вдвоем в палате, их никто не слышал. А в коридорах стоял такой гам – Зара разгоняла малышей по койкам на тихий час – что никто и не услышит женский зов о помощи. Дания оцепенела от ужаса и не могла сделать ни шагу, а

так хотелось выбежать из палаты, точно из комнаты с электрическим стулом, предназначенным для нее. Неподвижная Нина определенно раздумывала над тем, как бы по-тихому прикончить женщину.

– Она обижала тебя, – Дания заставила себя произнести эти слова в попытке доказать Нине, что она бы сделала с Аделаидой то же самое. – Она обижала тебя, и получила по заслугам...

«Не трогайте меня, и я не трону вас».

И хотя Дания не видела, как шевелились губы ребенка, она отчетливо услышала голос Нины в своей голове. Внезапно перед глазами вновь встал образ матери, качающейся в кресле, она что-то говорила, но Дания не слышала, хотя читала по губам очередные проклятия в адрес дочери. Дания заплакала. Это видение возникло из ниоткуда, словно кто-то насильно вытащил воспоминание из далеких мест в голове и заставил ее смотреть. Дания больше не сомневалась в своей правоте – Нина была сущим дьяволом.

– Я буду стараться, – прошептала санитарка и покинула палату, не желая больше испытывать судьбу.

Время в лечебнице тянется вечность. Нина выросла, с ней выросли и Монстры. Их кошмары становились все более жестокими, более навязчивыми, более реальными. Состояние Нины оставалось неизменным. Ни лучше. Ни хуже. Но мало, кто пекся о прогрессе Нины. Когда у ребенка есть родители, у врачей есть стимул стараться, потому что родители рьяно защищают своих отпрысков. Они навещают чадо каждый день, требуют индивидуальных консультаций лечащих врачей, следят за процессом выздоровления, а в худшем случае грозятся подать иск на непрофессионализм медперсонала.

У Нины не было никого. Никто не пекся о состоянии ее здоровья. Для социальной службы было достаточно одного официального письма в месяц, а отчетность перед руководством была важнее, чем его содержание. Возможно, если бы Нину курировал более ответственный социальный работник, то все было бы иначе. Но Нине не повезло в очередной раз. Психически больная никому не нужна.

Порой уже знакомые симптомы свидетельствовали об обострении шизофрении. Это были припадки, во время которых Нина истошно вопила и убегала от невидимого Монстра. Поскольку галлюцинации временами проявлялись, аминазин или галоперидол – постоянный рецепт для Нины. Помимо них девочке скормливали целый набор из антидепрессантов и успокоительных. Побочные эффекты препаратов не заставили себя долго ждать. Вялая, апатичная Нина бесцельно бродила по коридорам. Разумеется, в таком состоянии ее уже не беспокоили окружающие, она спокойно гуляла на площадке или рисовала в игровой комнате вместе с другими детьми, что воспринималось врачами, как показатель верно выбранного пути лечения. Монстры же не упускали возможность воспользоваться ослабленным состоянием девочки и демонстрировали ей картины еще более ожесточенных и изощренных смертей. Монстры продолжали воспитывать девочку в своем духе. Они продолжали растить в ней самих себя.

Дания стала хранителем Нины, оберегая девочку от неприятностей. Следующие полтора года санитарка, сама того не подозревая, была цербером для девочки в больничных стенах. Она ни на секунду не упускала Нину из виду, ведомая страхом, что одержимая могла нанести вред другим. Не дай бог, она обратит свой гнев на какого-нибудь несмышленного задиру, ведь это снова приведет к ужасным последствиям. Где бы ни находилась Нина, что бы с ней ни случилось, Дания всегда была рядом. Когда на девочку напал очередной ступор, Дания бережно переносила ее на койку. Когда Нина носилась по этажу в очередном припадке, Дания бегала за ней, ограждая девочку от твердых углов и стеклянных дверей. Ведь, боже упаси, если она снова ударится и получит травму. Когда очнется, гнев ее точно падет на Данию, ведь не уберегла, не досмотрела – думала санитарка.

– Ты должна поесть, – тихо говорила санитарка, когда Нина снова теряла аппетит из-за лекарств.

Дания давно сообразила, что на девочку не действуют обычные детские приемы вроде ложку за друга, ложку за себя. Нина была очень умной. Не по годам смысленной.

– Если ты не будешь есть, организм не получит энергию, и твои галлюцинации снова вызовут припадок.

Тогда Нина отрывалась от рисования или мозаики и с отвращением смотрела на ячневую кашу. Когда взгляд заторможенной Нины падал на еду, Дания понимала, что теперь можно покормить девочку, и аккуратно кормила ту с ложки.

После очередного курса антипсихотиков Нина испытывала затруднения в мочеиспускании, ее мучили запоры. Дания терпеливо выжидала, пока Нина сидела в туалете. Она могла сидеть там до часу, и все это время санитарка отгоняла малышкой от туалета.

Иногда санитарку охватывало чувство жалости к девочке, когда та становилась самым настоящим вареным овощем, неподвижно сидящим за столом и уставившимся в одну точку. Вид безжизненного ребенка казался Дании жутким. Ни любопытства, ни желаний, ни эмоций. Это неправильно. Ребенок не должен так жить.

Но потом она вспоминала окоченевший труп Аделаиды, и ее снова охватывал страх. Все эти полтора года Дания жила в стрессе, боясь за свою жизнь, и тем самым оберегая Нину. Ее несколько раз посещала мысль бросить все и уволиться к чертям, но каждый раз страх уничтожал этот порыв, когда серебристые глаза недоверчиво посматривали на санитарку, словно догадывались о ее помыслах. Нет, об увольнении и речи быть не может! И снова окровавленный детский труп предстал перед глазами.

– Завтра тебя переведут в среднюю группу, – говорила Дания девочке, заплетая ей косу, – я похлопотала об отдельной палате для тебя.

Нина собирала детскую мозаику.

– Но я не смогу находиться там, рядом с тобой, – голос женщины слегка дрогнул.

Нина молчала. Она уже давно ожидала наступление этого момента. Для детей младшего школьного возраста на территории больницы был отведен отдельный блок. Вскоре Нина снова войдет в другой мир с новыми лицами, новыми правилами, новыми испытаниями, и где ей снова придется отвоевать свое одинокое место.

Немного скрипя сердцем, Нина отпустила своего верного пса.

– Нина, ты меня слышишь? – голос доктора Йокина вывел из транса.

Зорий еще пять минут назад заметил, как девушку унесло в неизвестные ему дали. Глаза полузакрыты, брови нахмурены, губы поджаты – она явно вспоминала что-то. Он не хотел ее отвлекать и с дотошностью ученого изучал мимику ее лица, распределяя воспоминания по полочкам «хорошие» и «плохие».

– Расскажи мне о друзьях, Нина, – продолжал Йокин. – С кем ты дружишь? Что вы делаете вместе?

«Нет друзей», – мысленно отвечала девушка.

«Я же – Мертвая...».

В новом блоке ей дали новое прозвище – Мертвая. Бледная кожа, синева под глазами, худощавое тело, ну, чем не мертвец? Если бы она встретила того умника, что дал ей новое имя, она бы поблагодарила его, мысленно, разумеется. Мертвая все же лучше чем Уродка.

Прозвище прочно закрепилось за ней после очередного трагичного инцидента.

Все случилось в столовой, когда ей было девять. «Индивидуальное обслуживание», естественно, исчезло в блоке средних групп, и теперь надо было вливаться в разношерстную очередь больных у столов раздачи. Больничная каша, которой Нина никак не могла дать назва-

ние, походила больше на слизкую грязь, чем на еду. Но приходилось ее ковырять, потому что любое отклонение в поведении расценивалось как рецидив. Не ешь? Обострение! Много ешь? Обострение! Не хочешь гулять? Апатия! Не хочешь спать? Бессонница! А любое отклонение и рецидив означало еще больше таблеток и уколов. Нина готова была стерпеть все, но только не дополнительные лекарства.

После очередного скудного завтрака, благодаря которым Нина, наверное, и превратилась в «Мертвую», девочка встала из-за стола, как вдруг какой-то мальчик набрался смелости подскочить к ней и выбить поднос с посудой из рук. Тарелка, стакан разбились вдребезги о бетонный пол. Какой же глупец!

– Мертвая и неуклюжая! Мертвая и неуклюжая! – повторял мальчуган, тыкая пальцем в Нину и весело прыгая вокруг нее. Остальные дети, естественно, поддержали задиру, и вскоре веселая песня распространилась на всю столовую: «Мертвая и неуклюжая».

Злые насмешки и громкий рокот толпы сделали свое дело. Нина разозлилась. А когда девочку одолевал гнев, Монстры были тут как тут, охватываемые безудержным желанием вновь поживиться кровавой добычей.

«Он плохой, Нина!»

«Сделай ему больно!»

«Мерзкий ублюдок! Он заслуживает смерти!»

«Посмотри, они все смеются из-за него! Сделай ему больно!»

Ее не пришлось долго уговаривать. Нина с удовольствием воспользовалась силой.

Мальчик внезапно замолк, его спина резко выгнулась, словно натянутая струна. Его взгляд неотрывно смотрел в бездонную серость повелевающих глаз. Не мешкая, он опустился на колени, подобрал осколок стекла и проглотил его. За первым осколком последовал второй, третий, четвертый. Мальчик и не думал останавливаться, даже когда изо рта захлестала кровь.

Кто-то завизжал. Его подхватил другой, потом третий, и, вот, смех в столовой уже сменился на сумасшедший крик ужаса. Дети забегали в панике, пытаясь найти взрослых, чтоб хоть кто-нибудь заставил мальчика остановиться. Осколки разрезали глотку, он кашлял, вытаскивал застрявший осколок из горла и снова глотал, захлебываясь своей же кровью.

На вопли выбежали врачи, и, увидев картину, оцепенели. Мальчик проглотил еще один осколок и упал. Сквозь полузакрытые веки его глаза неотрывно смотрели на возвышающуюся над ним, подобно ангелу смерти, Нину.

Беднягу немедленно увезли в операционную, где хирурги извлекли из него восемнадцать осколков. Они едва сумели зашить пищевод – настолько много было разрезов от стекла. Узнавшие о происшествии родители мальчика впали в ярость и немедленно забрали сына в другую больницу, где у него еще несколько раз открывалось внутреннее кровотечение.

Доктора лечебницы были шокированы ситуацией, ведь больной, до того не проявлявший суицидальных наклонностей, пытался покончить жизнь самоубийством. Да еще таким мазохистским способом! Присутствовавшая возле мальчика Нина бесспорно вызвала подозрения, но никто не мог определить, в чем же она виновата. Возможно, она что-то сказала ему, что спровоцировало мальчика на такой поступок. Но что можно сказать человеку, чтобы он начал сам поднимать с пола осколки, сам запихивать себе в рот и глотать?

Человека пугает то, что он не может объяснить, а потому после невероятного происшествия вокруг Нины начали созревать всякие нелепые домыслы. Особенно хороши в этом были верующие в потусторонние силы зла. Уж слишком много несчастных случаев выпало на долю девятилетней девочки. Разве это не должно быть странным?

И теперь некоторых докторов – ученых людей – стал охватывать неосознанный страх перед девочкой, и они разделились на два лагеря: тех, кто не видел ничего необычного в ореоле смертей вокруг бедняги, и тех, кто каким-то маленьким участком мозга все еще верил в существование нечто сверхъестественного. Бесы, демоны, дьявол стали темами номер один среди

санитарок, уборщиков, дворников. Доктора же, вследствие своей научной работы, не имели право допускать в своих выражениях слова, связанные с глупыми байками. Ситуация сложилась довольно-таки курьезная.

Те доктора, которые еще не верили, но имели предрасположенность верить в потустороннее, стали рассказывать о том, что рядом с Ниной, действительно, чувствуешь себя каким-то беззащитным. Она заставляла их чувствовать себя ужасно не комфортно рядом с собой и иногда даже мурашки пробегали по спине.

– У меня волосы дыбом становятся, когда она смотрит на меня! – говорил УЗИст.

– Я клянусь, если ты приблизишься к ней, то почувствуешь ее холодную ауру, будто смерть окутала ее! – рассказывал медсестра второго блока.

– Страх перед девятилетней девочкой? Я вас умоляю! Какой бред! – возразил один из психиатров.

– Несерьезно давать волю страхам и тем более распространять какие-то нелепые байки в лечебнице! Будьте профессионалами, коллеги! – отвечали рационалисты.

Ни с кем из них не был согласен только один разумный человек – Ян Калев. А Нина нутром чуяла, насколько усилилось к ней внимание Калева после трагичного происшествия. Светловолосый доктор буквально стал преследовать ее. Она замечала его практически везде. Во время прогулок он наблюдал за ней из окна кабинета. В столовой он питался всегда в то время, когда приходила ее группа. И он каждый день навещал ее этаж, чтобы поинтересоваться у санитарок ее состоянием.

Но эта слежка не пугала Нину и даже немного забавляла. Она частенько залазила к нему в голову и с любопытством копалась во всем ворохе мыслей, что он там держал. Ей было очень приятно видеть, что он не поддавался мнению толпы и пробирался в ином направлении. В правильном, она бы сказала. Книжки про психокинез, экстрасенсорику и суггестию возникали образами в голове Яна. Калев и не подозревал, что с каждой вычитанной из этих книг главой учился не только он, но и Нина. Оказывается, люди давно пытаются по-научному объяснить способности, которыми она обладает.

«Они меня боятся. Потому и нет друзей», – заключила Нина, безмолвно разговаривая с Йокином.

Ей уже давно стало на это наплевать. Все равно, что о ней думают, все равно, что ее боятся, все равно, что не любят. Они думают, что она одинока, но это не так. Она никогда не была одна. С ней всегда были ее уродливые союзники. И Они обещают хранить ей верность до конца жизни.

Йокин нарочито громко перевернул страницу блокнота, чтобы снова вернуть пациентку в реальность.

– Тебе, наверное, не раз задавали эти вопросы, – говорил Йокин, просматривая записи в медицинской карте. Он насчитал семнадцать докторских имен. Ни у кого больше он не видел такого количества лечащих врачей. Каждый год они менялись не менее двух раз, что не есть хорошо, ведь лечащий врач здесь должен стать самым близким другом. Он знает о тебе все: физические особенности организма, диагнозы, восприятие лекарств, побочные эффекты. Как же надеяться на успешное лечение, если семнадцать врачей, каждый со своими идеями и «тараканами», по-своему рассматривал болезнь девушки и по-своему лечил? Что же они сделали с ней за эти годы? Но главное, почему Калев продолжает эту мучительную традицию?

Как, наверное, глуп Зорий сейчас в ее глазах? Ведь он идет точно по учебнику, по которому шли все предшественники. Потому она и молчит. Потому его попытки обречены на провал так же, как и тех врачей, кто был до него. Нина уже, наверняка, наизусть знает все, что он скажет. Потому он и не может достучаться до нее.

– Нина, ты уже второй год в блоке для буй... – доктор осекся, – в блоке для тяжело больных. Это местный рекорд.

Девушка продолжала смотреть в окно.

– Мне кажется, что ты и не хочешь уходить отсюда. Не так ли?

Нина слегка дернула глазом. Этого было достаточно для Йокина, чтобы понять свою правоту.

– Скорее всего, тебя привлекает здесь... – Йокин изобразил задумчивость, хотя уже знал, что скажет, – отдельная палата.

Нина медленно перевела взгляд на доктора. Йокин ликовал.

– Отдельный уход, питание в палате. Ах, да! И личный санитар, чтоб никто не приставал.

Лицо Нины было гладко-каменным, но интерес в глазах скрыть было невозможно. В груди Йокина колыхнулась надежда: он сможет ей помочь!

– Я просмотрел снимки. Рентген, УЗИ, томография. Твои припадки реальны, но некоторые из них ты симулировала. И это случалось каждый раз, когда доктора намечали улучшения в твоём состоянии и намеревались перевести тебя в общую палату. Но ты не хотела уходить. Тебе нравится быть в одиночестве.

«А ты хорош», – подумала Нина.

Она вспомнила тот день, когда Калев, уже будучи главврачом лечебницы, предложил Нине провести остаток дней в «буйном блоке», про который она мало, что знала, но когда узнала, поняла, что это – идеальное для нее место.

Жизнь пациентов в лечебнице идет своим ходом, многое остается в стороне от взора работников. В то время пребывал здесь один паренек шестнадцати лет, не по годам подлый и развратный. Нина столкнулась с ним в коридоре однажды. Секундное прикосновение к рукаву его рубахи вызвало волну образов в голове. Нина поежилась от отвратительных видений. Это были кричащие девочки, тоже пациентки. Одна за другой они подверглись гадким издевательствам со стороны негодяя.

Первую он застал в туалете, заткнул ей рот полотенцем и запихнул в кабинку. Она была гораздо ниже и слабее насильника, она ничего не смогла сделать. Ей было десять. Это воспоминание в голове парня было самое четкое. Он помнил каждую деталь. Он крадется вдоль стен лечебницы, он уже знает, что девочка в туалете одна. Сердце его бешено колотится от предвкушения нападения. Он волнуется, но волнение это приятное, ведь он так давно жаждет. Уже три месяца его держат в этой проклятой лечебнице без возможности выйти! Но они недооценивают его! Он все равно получит то, что хочет, пусть даже здесь. Он дергает длинные каштановые волосы, они изумительно пахнут клубникой, он затыкает в ее маленький рот столько ткани, сколько может. Девочка брыкается, но ее потуги кажутся забавными. Он смеется. Она абсолютно беспомощна. Он с легкостью поднял ее и унес в кабинку. Он ударяет ее лбом о настенный кафель. Ему нравится, как она визжит, брыкается. Он слизывает слезы с ее щек. Как они возбуждают! Он упивается наслаждением...

Видение прерывается следующими образами, более смутными. Светловолосая девочка сидит на берегу ручья, она что-то читает, она одна. «Нельзя исчезать из поля зрения санитаров!» – проносится мысль в голове Нины, но она уже не сможет помочь бедняге, ведь все это уже произошло. Он прижал ее лицом к земле. Она не кричала, потому что еле могла дышать. Он все сделал быстро. Уходя, он взглянул на нее плачущую в зеленой траве со спущенными штанами. И ей было десять. Он ликовал...

Следующий образ: он протягивает купюру молоденькому санитару, видимо практиканту, не менее гнусному, чем сам. Он входит в комнату. Девушка лежит на кровати. Сердце Нины защемило. Девушка абсолютно недвижима, она в ступоре, в таком же, в какой изредка впадает Нина. В животе все сжалось в кулак, ведь если бы на месте этой несчастной была Нина, она

бы также не смогла и пальцем пошевелить, пока этот сучий выродок надругался над ней. Нина закрыла глаза, изгоняя видения прочь.

Никто из девочек не рассказал о произошедшем. Гаденыш знал, как запугивать малолеток, в своих дворах он поднаторел в этом. Но он и подумать не мог, что кто-то в этом месте умеет ковыряться в головах.

Возможно, Нина бы ничего не предприняла. Как уже было сказано, в лечебнице многое остается вне поля зрения персонала. Малолетки здесь распивали алкоголь, вступали в половые связи, а ребята постарше даже умудрялись доставать наркотики. Очень редко, но все же здесь происходили настоящие изнасилования, о которых умалчивали, а происходили и наигранные, о которых хвастались сами жертвы. Нине было наплевать на это все. Она жила сама по себе. Но когда она увидела ту замершую молодую девушку, не по своей воле страдающей от жестоких ступоров, Нина, разумеется, не могла об этом забыть. Она должна была отомстить. Этой несчастной могла быть она сама.

В тот солнечный весенний день небо было невероятно ясным, повсюду витали ароматы яблонь, сирени, крыжовника. Нина всегда поражалась умениям садовников завуалировать обитающие в этом месте боль и уродства. И сейчас в их копилку попадет еще одно, которое они со временем скроют клумбами и цветами.

Нина застала парня на скамейке во дворе лечебницы.

– Чего тебе? – грубо спросил парень, когда Нина под села к нему.

Она молча разглядывала будущую жертву. Дин – так его звали. Дом у него очень бедный, в нем почти нет мебели, но зато есть покосившийся и провонявший от спиртного и мочи диван, на котором лежит его беспробудная пьяница-мать... Он вырос под стать району, откуда и не думал съезжать. Ему нравилось там, и сейчас он очень хотел вернуться. Там он был свободным. Он мог изливать свою ярость везде, где хотел. Как же он скучал по дому!

– Уходи отсюда, Мертвая! – занервничал Дин от неожиданного визита.

Нина потянулась к пуговице на своей пижаме и стала медленно расстегивать одну за другой, пока не привлекла внимание Дина.

– Хочу, чтобы ты был грубым... – Нина скопировала фразу из одного из образов в голове Дина. Кажется, это был отрывок из какого-то глупого бессмысленного фильма, который Дин часто просматривал, спрятав руку в джинсы.

Нина издала томный вздох, точно такой же, как героиня фильма, такой, какой ему нравился... Девушка почувствовала напряжение, исходящее от парня, но напряжение это было не от страха, оно росло в его штанах. Дин взглянул в ядовитые серые глаза, и был моментально пойман в ловушку. Вдоволь наигравшись над изнемогающим парнем, Нина засунула в его голову мысль, в которой он даже не почувствовал подвоха. Он не понял, что мысль – не его. Он верил, что эта мысль – его собственная. Нина ехидно улыбнулась.

Дин встал со скамейки, бесцеремонно снял штаны и завязал раструбы петлей. Потом он взобрался на первую толстую ветку дуба, что рос над скамьей и крепко привязал к ней штаны.

Нина продолжала сидеть и наслаждаться легким весенним ветерком, успокаивающим шуршанием листьев, звуком текущего недалеко ручейка, веселым пением птиц. Может, она и была Мертвой, но слушать звуки жизни она любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.